

РИНА РОФИ

АУКЦИОН БРИЛЛИАНТОВ
Я ТЕБЯ КУПИЛ.

Рина Рофи

Аукцион бриллиантов.

Я тебя купил.

<https://litres.ru/74207702>

Аннотация

Мой мир перевернулся на 180 градусов. Меня продал собственный отец, после того как моя сестра ушла трагически, не захотев связать себя с Ним узами брака. Но я не сдамся, сбегу...Иначе он сломает, а я хочу быть свободна.

Что ждет?

- от ненависти до любви - властный герой - тайна происхождения - опасность, преследование, похищение - настоящие сильные чувства - не унывающая героиня - разница в возрасте. Ей 19, ему 30 - откровенное описание сцен 18+ - аукцион "бриллиантов" - что это, откуда, почему - сюжет закручен вокруг тайны, которую хранит главный герой

Поведение главного героя - следствие его происхождения, вращения в определенных высших слоях общества, даже если цели благородные. Можно осуждать его) Но все же будет ХЭ)

БУДУ РАДА ЗВЕЗДОЧКАМ)

Содержание

Глава 1. Начало	4
Глава 2. Форс-мажор	12
Глава 3. Разговор	22
Глава 4. Знакомство	31
Глава 5. Марс	47
Глава 6. Первая ночь	57
Конец ознакомительного фрагмента.	95

Глава 1. Начало

Летний вечер растекался по дому тягучим янтарным светом. За окнами столовой шумела листва старых лип — отец когда-то высадил их, когда мы с Дашей были маленькими, чтобы «девочки дышали чистым воздухом». Сейчас эти липы казались мне тюремными стражами: красивыми, но бесполезными.

Я сидела на своем обычном месте — с левого края длинного дубового стола, где резная скатерть свисала почти до пола, закрывая мои колени. Серебряные приборы лежали в идеальном порядке, хрустальные бокалы переливались на солнце, а воздух пах дорогим ужином, который никто не ел.

Отец — Евгений Белый, владелец сети спортивных клубов «Белый Флаг» и дюжины баров по всему городу, — восседал во главе стола. Его массивный перстень с черным агатом мерно постукивал по столешнице. Этот жест я знала с детства: когда отец отбивает ритм пальцами, он принял решение, которое не оспаривается.

— Дарья, — его голос был спокоен, даже ласков, отчего по моей спине пробежали мурашки. — Ты выйдешь за Маркуса. С его семьей уже подписан договор.

Даша сидела напротив меня, прямая, как струна. Её светлые волосы были собраны в низкий пучок — она всегда так делала, когда нервничала. Тонкие пальцы сжимали край сто-

ла так сильно, что побелели костяшки.

— Да, пап... — её голос дрогнул, но она быстро взяла себя в руки, опустив глаза в тарелку с нетронутым салатом.

Моё сердце пропустило удар. Я перевела взгляд с сестры на отца, пытаюсь понять — шутит он? Сейчас рассмеётся своей тяжёлой, властной шуткой и скажет: «Да ладно вам, девчонки, проверял просто»?

Но он не смеялся. Он отрезал кусок мяса, отправил в рот и принялся жевать с видом человека, который только что обсудил погоду или курс доллара.

— Пап, но это же не по любви, — выдавила я. Слова вырвались раньше, чем я успела их обдумать. Даша бросила на меня быстрый, испуганный взгляд — он значил: «*Мир, молчи, пожалуйста, не надо*». Но я не умела молчать. Никогда не умела.

Отец поднял на меня глаза. Серые, холодные, как февральское небо. Он смотрел ровно, без злости, даже с какой-то снисходительной усталостью — как на ребенка, который настойчиво требует объяснить, почему трава зелёная.

— Мирослава, ты не понимаешь жизни, — сказал он спокойно, вытирая губы салфеткой. — Ты ещё мала.

— Пап, мне девятнадцать, — я почувствовала, как щеки заливают жаром. — И я понимаю, что это не нормально. Выдавать дочь замуж... как будто она не человек, а акция. Как будто мы вещь.

— Это правильно, — отрезал отец, и его палец снова за-

стучал по столу: тук-тук-тук. — Молодой человек из хорошей семьи. Образованный. Состоятельный. У Королёвых сеть отелей по всей стране — ты представляешь, какие это перспективы? Для Даши, для семьи, для бизнеса.

— Пап, ему тридцать! — выкрикнула я, и мой голос сорвался на петушиный фальцет. Я ненавидела себя за эту дрожь, но ничего не могла с собой поделать. — Ему тридцать лет! Он старше Даши на девять лет. Она его не любит. Ты вообще спрашивал её, хочет ли она?

Отец отложил нож и вилку. Медленно, аккуратно — как хирург перед сложной операцией. Он сложил руки перед собой и уставился на меня. В этом взгляде было что-то бесконечно далёкое, как дно океана — туда не проникает свет.

— Хороший возраст для мужчины, — сказал он весомо. Каждое слово падало на стол, как гранитная плита. — В тридцать он уже состоялся. Знает, чего хочет. Не будет шляться по клубам и изменять с первыми встречными. Твоей сестре нужна стабильность, а не сопливые обнимашки под луной.

Я вскочила. Стул с грохотом отъехал назад, ударившись о стену. Даша вздрогнула. Отец даже бровью не повёл.

— Пап, но Даше двадцать один! — закричала я, уже не контролируя громкость. Где-то на кухне затихли повара. Я знала, что они слышат, знала, что завтра по дому поползут слухи, но мне было всё равно. — Двадцать один, папа! Она только институт закончила. У неё парень есть, хороший па-

рень, Коля, ты его знаешь, он работает в твоём фитнес-клубе тренером!

— Мирослава, — голос отца стал тише, но от этого только страшнее. Лёд всегда тихий. — Сядь.

Я не села.

— Ты меня тоже замуж будешь выдавать по расчёту? — спросила я, глядя ему прямо в глаза. Губы дрожали, но я стиснула зубы. — Скажешь когда-нибудь: «Мирослава, собирай чемоданы, нашел тебе седого олигарха, иди под него ложись»?

Повисла тишина. Даша замерла с ложкой в руке. Маятник старинных часов на стене отсчитывал секунды: тик-так, тик-так, тик-так.

Отец посмотрел на меня долгим взглядом. В уголках его губ обозначилось нечто, отдалённо похожее на усмешку. Он не злился. Вот что было страшнее всего — он не злился. Для него это был просто разговор о погоде.

— Если потребуется — да, — сказал он.

Мир рухнул. Не громко, не со спецэффектами, без фейерверков и взрывов. Он просто сложился, как карточный домик, от одного этого короткого «да».

— Пап... — прошептала я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. Я не хотела плакать при нём. Никогда не хотела. Он говорил, что женские слёзы — это оружие слабых, а я всегда хотела быть сильной. — Пап, пожалуйста...

— Всё, Мира, — он поднял руку ладонью вперёд — жест,

означавший «стоп, точка, дискуссия закрыта». — Закончили дискуссию. Даша, через месяц свадьба. Двадцатого августа. Запомни эту дату. В ЗАГСе всё уже забронировано.

Даша кивнула.

Её кивок был плавным, почти изящным. Как у куклы — у тех, у которых голова на пружинке. Нижняя губа чуть дрогнула, но в остальном — ни единого признака того, что её только что продали, как бронзовую статуэтку на аукционе.

— Даш, ну ты хоть скажи что-нибудь! — я бросилась к ней, обогнув стол, и опустилась на колени рядом с её стулом. Схватила её за руку — холодную, как лёд. — Даш, ты же не можешь согласиться. Ты же живой человек.

— Мир, — она посмотрела на меня сверху вниз. В её глазах была такая бездна усталости, что мне стало страшно. — Это решённый вопрос. Не усложняй.

— Но у тебя парень же есть! Коля! Он тебя любит! Вы же три года вместе! — я сжимала её пальцы, пытаюсь передать своё отчаяние через касание. — Даша, ну скажи папе, что ты не хочешь! Мы вместе его переубедим!

— Мир.. не нужно... — она мягко, но твёрдо высвободила руку.

Я посмотрела на отца. Он поднялся из-за стола, поправил запонки на белоснежной рубашке — платиновые, с гравировкой «ЕВ», его инициалы — и взял с подоконника мобильный телефон.

— Договор подписан, девочки, — сказал он, как бы между

прочим. — Невеста, чёрт возьми, это звучит гордо. Даша, Маркус завтра приедёт знакомиться. Будь любезна, надень то синее платье, которое я купил на прошлой неделе. Ему такие нравятся — я уточнил.

Он вышел из столовой, на ходу набирая чей-то номер. В прихожей щёлкнул замок — это он ушёл в свой кабинет на первом этаже. До меня донеслось: «Алло, Роберт Львович? Да, всё в силе, двадцатого...»

Даша встала из-за стола медленно, держась за спинку стула, будто боялась упасть. Она обвела взглядом комнату — эти проклятые хрустальные бокалы, серебряные приборы, натюрморт с фруктами на буфете, нашу общую фотографию в рамке на каминной полке: мы с ней на море, смеёмся, обнявшись, и ветер треплет наши волосы. Ей тогда было восемнадцать, мне шестнадцать. Мы были счастливы.

— Даша... — позвала я.

— Мир, — сказала она тихо, почти шёпотом, — не нужно. Правда. Всё хорошо. Я справлюсь.

Она пошла к выходу из столовой. Спина прямая, плечи расправлены, шаг — как на плацу. Но у двери она замерла на секунду, положила ладонь на косяк, и я увидела, как её пальцы задрожали. Мелкой, предательской дрожью.

Она вышла. Через несколько секунд я услышала, как закрылась дверь её спальни — на первом этаже, через холл от папиного кабинета. А потом я услышала то, от чего у меня перехватило дыхание.

Она плакала.

Не так, как плачут в кино — красиво, со вздохами и паузами. Она плакала по-настоящему. Сдавленно, в подушку, с хрипом и всхлипами, которые невозможно было заглушить даже толстыми стенами старого дома. Я слышала этот плач, потому что всё моё тело превратилось в один сплошной слуховой нерв.

Я остановилась перед Дашиной дверью на первом этаже, прижалась лбом к холодной древесине и постучала. Тихо, кончиками пальцев.

— Мир уходи... — донёсся её голос, разбитый, мокрый, чужой.

— Даш, открой, пожалуйста, — попросила я, сглатывая слёзы.

— Мир... всё... — она запнулась, и я услышала, как она вытирает нос. — Правда. Всё хорошо.

— Не хорошо, Даш. Ничего не хорошо.

Тишина. Только её всхлипы и моё дыхание.

— Иди к себе, — сказала она наконец. — Пожалуйста. Просто иди.

Я отошла. Поднялась по лестнице, переступая через ступеньку — ту, которая всегда скрипела, как раненая птица. Коридор второго этажа тонул в синеватых сумерках. Моя комната была в конце, с окном, выходящим на сад.

Я закрыла за собой дверь, прислонилась к ней спиной и сползла на пол.

Я думала о Даше. О её возрасте. О Коле — добром, неуклюжем парне с тренерскими плечами, который приносил ей ромашки и стеснялся заходить в наш дом. О Маркусе Королёве — я никогда его не видела, но уже ненавидела его холодной, колючей ненавистью. О договоре, который подписали, пока Даша, возможно, пила чай и не подозревала, что её жизнь уже продали, как пару туфель на распродаже.

«Если потребуется — да», — сказал отец.

Значит, меня ждёт та же участь.

Найдёт какого-нибудь взрослого мужика, с которым нужно будет делить постель, не испытывая ничего, кроме отвращения. Положит меня под него — как вещь, как актив, как способ скрепить ещё одну сделку. Будет говорить о «хороших семьях» и «правильных решениях», пока я буду улыбаться в свадебном платье, а внутри — умирать заживо.

Я посмотрела в окно. В саду догорал закат — полоса багрового зарева над верхушками лип. Красиво. Обманчиво красиво, как всё в этой жизни.

Как Даша держится — я не знаю.

Но я знала одно: когда настанет мой черёд, я не буду молчать. Я не буду кивать, как кукла с отбитой головой. Я буду биться, кусаться, кричать, сбегать, рвать эти проклятые договора в клочья, даже если меня запрут в комнате на ключ.

Потому что я — Мирослава Белая. Мне девятнадцать лет. И я не продаюсь.

Даже если продавец — мой собственный отец.

Глава 2. Форс-мажор

Это было начало конца.

Начало, за которое я ненавижу отца всем сердцем. Каждой клеткой своего тела. Каждым вздохом, который делаю с того самого утра.

Я почти не спала в ту ночь. Лежала на кровати, уставившись в потолок, и считала трещины на лепнине — их было семнадцать, я запомнила. В голове крутился один и тот же вопрос: как можно продавать собственных детей? Где в душе человека должна быть полочка, чтобы он смотрел на дочерей как на товар?

За окном медленно серело. Сначала небо стало молочным, потом розовым, потом вспыхнуло золотом — обычный рассвет, каких тысячи. Только в тот день он казался насмешкой. Природа просыпалась, птицы орали свои глупые песни, а в доме умирало что-то очень важное. Безвозвратно.

Я встала с кровати в семь утра. Ноги не слушались, голова гудела. Я умылась ледяной водой, посмотрела на себя в зеркало — под глазами залегли тени, будто кто-то размазал синюю акварель. Моя комната, такая знакомая, такая родная, вдруг стала чужой. Словно я смотрела на неё через мутное стекло.

«Даша», — подумала я. — «Мне нужно увидеть Дашу».

Я вышла в коридор. Старый паркет скрипел под босыми

ногами — жалобно, протяжно. Я спустилась на первый этаж. В доме было тихо. Слишком тихо. Обычно в это время на кухне уже гремели кастрюлями — готовили завтрак для отца. Сегодня стояла такая тишина, что звон в ушах казался оглушительным.

Дверь в Дашину комнату была закрыта.

Я подошла, прижалась ладонью к дереву. Оно было холодным — как всё в этом доме.

— Даш... — позвала я тихо, почти шёпотом.

Тишина.

Не просто отсутствие звуков — та особая, ватная, липкая тишина, которая бывает только в пустых комнатах. Или в тех, где больше никого нет.

— Даш, ты спишь? — я постучала костяшками пальцев. Тихо. Потом громче. — Даш!

Ничего. Ни шороха простыней, ни вздоха, ни движения.

Сердце пропустило удар. А потом забилося где-то в горле — быстро, панически, как пойманная птица.

Я дёрнула ручку.

Заперто.

— Даша! Даша, открой! — голос сорвался, стал тонким, чужим. Я колотила в дверь обеими ладонями, оставляя на тёмном дереве влажные следы. — Даш, пожалуйста! Ты меня слышишь? Даша!

В сердце закрался страх. Липкий, холодный, который не спутаешь ни с чем. Он поднимался от живота к груди, сжи-

мал рёбра, мешал дышать. Я знала этот страх. Я чувствовала его один раз в жизни — когда мама уходила.

— Даша! — я уже кричала. Кричала так, что, наверное, было слышно на улице.

И тогда я побежала.

Босиком по холодному паркету, через гостиную, мимо камина с нашей фотографией, в отцовский кабинет с тяжёлой дубовой дверью. Я влетела внутрь без стука — впервые в жизни.

Отец сидел за столом. Перед ним стояла чашка чёрного кофе и лежал раскрытый планшет. Он смотрел какие-то цифры — графики, таблицы, бесконечные строчки отчётов. В его мире всё измерялось цифрами. Даже жизнь. Особенно жизнь.

— Пап, — выдохнула я, задыхаясь. — Пап, Даша не открывает. Я стучала. Дверь заперта изнутри. Она не отвечает.

Он поднял голову. Секунду смотрел на меня — оценивающе, как на сбой в системе. Потом его лицо изменилось. Не испуг — я никогда не видела отца испуганным. Что-то другое. Сосредоточенное. Хищное.

Он резко встал — кресло с глухим стуком отъехало назад. Отец обошёл стол широкими, быстрыми шагами. Я едва поспевала за ним, путаясь в длинной футболке, в которой спала.

Мы остановились перед Дашиной дверью.

Отец постучал. Три раза. Коротко. Чётко. По-военному.

— Дарья, завтрак, — сказал он обычным голосом — ровным, командным, не терпящим возражений.

Тишина.

Я стояла за его спиной, боялась дышать. Боялась думать о плохом. Но мысли лезли сами — чёрные, тяжёлые, как свинцовые плиты. Я видела, как на шее отца вздулась жила. Как заходили желваки на скулах — ритмично, нервно.

— Дарья! — рявкнул он, и от этого голоса мне захотелось сжаться в комок.

Ничего.

Просто тишина. Такая густая, что её можно было резать ножом. Такая злая, что она душила.

Отец сделал шаг назад. Я видела, как он напрягся — широкие плечи расправились, мышцы на руках затвердели под тканью рубашки. Он был крепким. Сильным. Он мог свернуть горы, если бы они встали на пути его бизнеса.

Он выбил дверь.

Одним ударом ноги — туда, где замок входил в косяк. Дерево треснуло, дверь с грохотом распахнулась, ударившись о стену. В комнату ворвался утренний свет — беспощадный, яркий, высвечивающий каждую пылинку.

И то, что я увидела, я никогда не забуду.

Никогда.

Даша лежала на кровати. На своей девичьей кровати с розовым покрывалом, которое она сама выбрала в шестнадцать лет — с дурацкими единорогами, мы тогда смеялись. Она ле-

жала на боку, поджав колени к животу — поза эмбриона, поза человека, который хочет вернуться туда, откуда пришёл.

Она была бледной. Нет, не просто бледной — белой, как простыня под ней. Белой, как те лилии, которые она так любила ставить в вазу. Губы посинели, а глаза... глаза были открыты. И смотрели в никуда.

Пустые. Абсолютно пустые.

Я не сразу поняла, что на тумбочке стоит пустая упаковка от снотворного. Папиного, сильного, рецептурного — он пил его, когда не мог уснуть после переговоров. Даша, должно быть, стащила. Или попросила горничную. Неважно. Важно было только то, что её уже нет.

Я помню, как закричала.

Это был не крик в обычном смысле — не звук, который можно описать словами. Это было что-то первобытное, вырывающееся из самой глубины. Я кричала, как зверь, у которого отняли детёныша.

Я помню, как сползла по стене.

Ноги подкосились. Я села на пол, прижимаясь спиной к холодным обоям. Руки тряслись. По щекам текли слёзы — горячие, солёные, бесконечные. Я смотрела на Дашу и не верила. Не могла поверить. Только вчера она сидела за столом. Только вчера её пальцы сжимали край скатерти. Только вчера она сказала: «Мир, не нужно».

А отец...

Отец просто смотрел.

Он стоял в дверях, широко расставив ноги, засунув большие пальцы в карманы брюк. Его лицо было непроницаемым — ни шока, ни горя, ни раскаяния. Он смотрел на мёртвое тело своей старшей дочери, как смотрят на сломанный механизм. Оценивающе. Холодно. С деловой досадой.

— Бракованная, — сказал он.

Одно слово. Одно единственное слово, которое разбило всё, что ещё оставалось целого в моей душе.

Бракованная.

Не «доченька». Не «Даша». Не «прости меня, боже, что я сделал».

Бракованная.

Как партия некондиционного товара. Как ботинок с треснувшей подошвой. Как смартфон с битым пикселем.

Он вытащил телефон из кармана. Пальцы быстро набрали номер. Звонил в скорую, полицию... Сказал, что дочь покончила с собой. Попросил приехать.

Потом он схватил меня за локоть. Пальцы впились в кожу — завтра там останутся синяки в форме отпечатков.

— Мирослава, уйди наверх и сиди там, — приказал он, поднимая меня на ноги.

— Даша... — всхлипнула я. — Дашааа... Дашаааа...

Я вырывалась. Пыталась подбежать к ней, коснуться её холодной руки, хоть что-то сделать — но что можно сделать, когда человек уже мёртв? Логика не имела значения. Тело требовало действия. Любого действия.

— Даша, прости меня, прости, прости... — бормотала я сквозь рыдания.

— Перестань причитать, — оборвал меня отец. Резко. Сухо. — Она сделала свой выбор.

Я замерла.

Слёзы всё ещё текли, но внутри что-то переключилось. Как будто в груди щёлкнул тумблер — и тьма стала ещё темнее.

— Это всё ты, — сказала я. Голос мой был тихим, но в этой тишине он прозвучал как выстрел. — Это из-за тебя. Ты её убил. Ты своими руками. Ты и твой договор. Твоя «хорошая семья». Твой тридцатилетний Маркус. Это ты, папа. Ты!

Я смотрела на него и чувствовала, как ненависть заполняет каждую клетку. Она была горячей, как лава. Она обжигала изнутри, но не убивала — наоборот, делала сильнее.

— Я тебя ненавижу, — прошептала я. — Ненавижу.

Он отвесил пощёчину.

Это произошло так быстро, что я не успела среагировать. Его ладонь — тяжёлая, широкая — встретилась с моей щекой. Звук получился звонким, неестественно громким в тишине утра. Голова мотнулась в сторону, я потеряла равновесие и упала. Сначала на колени, потом на бок, приложившись локтем о паркет.

Щека горела. В ушах звенело. Во рту появился привкус металла — я прикусила губу.

Отец никогда не бил нас. Никогда. К его холоду — да, мы

привыкли. К его отстранённости, к его бизнесовому взгляду на жизнь, к его вечному «это правильно». Но чтобы руку поднимать... никогда.

— Приди в себя, Мирослава, — сказал он, глядя на меня сверху вниз.

Без злости. Без сожаления. Как будто просто поправил меня, как непослушного щенка.

Он уже набирал следующий номер. Я видела, как экран засветился — «Роберт Львович».

— Роберт, форс-мажор, — сказал отец, отойдя к окну. Голос его был абсолютно деловым, как на плановом совещании. — Да, неприятность. Дочь покончила с собой.

Форс-мажор.

Он сказал «форс-мажор».

Не «трагедия». Не «горе». Не «я потерял ребёнка». Форс-мажор — обстоятельства непреодолимой силы, пункт в договоре, который позволяет пересмотреть условия.

У него дочь умерла. Его собственная кровь. Даша, которая делала первые шаги по этому паркету. Даша, которая боялась темноты и всегда оставляла ночник. Даша, которая умела смеяться так, что у неё на щеках появлялись ямочки.

И он назвал её смерть «форс-мажором».

Я смотрела на него в шоке. Всякая боль отступила — осталось только ледяное, кристально чистое непонимание. Как можно быть таким? Как можно вообще существовать с таким сердцем — если то, что у него в груди, вообще можно

назвать сердцем?

— Да, всё в силе, — продолжал отец, ходя взад-вперёд вдоль окна. Свет падал на его профиль — жёсткий, хищный, красивый той страшной красотой, которая бывает у хищников. — Свадьба будет с моей младшей.

Я сидела на полу, прижимая руку к горячей щеке, и слушала, как рушится моя жизнь.

Он не спросил. Он не посмотрел в мою сторону. Он просто поставил меня перед фактом — как будто я была не человеком, а запасным вариантом. Резервной копией. Запчастью, которая лежит на складе на случай, если основная выйдет из строя.

— Нет! — вырвалось у меня.

Отец медленно повернул голову.

И посмотрел на меня.

Так, что мне стало страшно.

Не тот холодный, равнодушный взгляд, который я знала всю жизнь. Нет. Этот был другим. В нём читалось предупреждение. Чёткое, недвусмысленное, как дорожный знак перед пропастью.

В его глазах было: *«Только попробуй»*.

Он не сказал ни слова. Просто смотрел. А я — я сидела на полу, с отпечатками его пальцев на щеке, со сломанным сердцем и с мёртвой сестрой в двух метрах от меня. И понимала: он не шутит. Он никогда не шутит.

— Да, Роберт, — сказал он в трубку, не отводя от меня

глаз. — Мирослава — красивая девушка. Маркус не будет разочарован. Всё остаётся в силе. Двадцатого августа.

Он улыбнулся.

Отец улыбнулся, глядя на меня — с окровавленной губой, в слезах, на полу, рядом с телом моей сестры.

И в этой улыбке было всё. И власть. И безнаказанность. И обещание, что если я посмею пойти против его воли — меня ждёт та же участь, что и Дашу. Только я уже не смогу выбрать снотворное. Он позаботится об этом сам.

Я закрыла глаза.

А когда открыла — его уже не было в комнате. Только запах его одеколona остался — дорогой, резкий, удушающий.

И Даша.

Даша лежала на кровати с единорогами, и утреннее солнце гладило её мёртвые волосы.

Я смотрела на неё и шептала одними губами:

— Я не стану тобой, Даш. Клянусь. Я не стану.

Но голос внутри меня, холодный и тихий, как голос отца, спросил:

«А что ты можешь сделать, Мирослава? Ты — одна. Ты — без денег. Ты — без поддержки. У тебя нет даже паспорта — он в сейфе у отца.

Что ты можешь?»

Я не знала ответа.

Но я знала, что должна его найти.

Иначе следующей буду я.

Глава 3. Разговор

Я сидела в своей комнате.

Весь день. С утра до вечера. Не двигалась, не ела, не пила — просто сидела на полу у кровати, обхватив колени руками, и смотрела в одну точку на противоположной стене. Там было маленькое пятно — давнее, ещё с детства. Когда-то я запустила в стену фломастером, разозлившись на Дашу за то, что она не дала мне свою куклу. Пятно так и не оттерли. Даша тогда сказала: «Пусть будет, как напоминание, что ты дикарка».

Теперь это пятно выглядело как запёкшаяся кровь. Или как клякса, которую уже не отмыть.

Внизу, этажом ниже, всё гудело.

Сначала приехала скорая — с воющей сиреной, которая резанула по ушам, как ножом. Я слышала, как хлопали дверцы машины, как топали тяжёлые ботинки по паркету, как чужие мужские голоса переговаривались вполголоса. Потом подъехала полиция — без сирены, почти бесшумно, словно боялись привлечь внимание соседей. Потом ещё кто-то. Голоса смешивались в неразборчивый гул, сквозь который я различала только отцовские интонации — спокойные, уверенные, распоряжающиеся.

Я слышала, как он говорил с ними.

Не как отец, потерявший дочь. Как клиент, который опла-

чивает услугу.

«Да, документы в порядке. Да, предсмертной записки не оставила. Нет, никаких криминальных следов. Да, я понимаю. Да, конечно, благодарю за понимание».

Он заплатил.

Я не видела, но знала — он заплатил всем. Врачам, чтобы оформили быстро. Полиции, чтобы не задавали лишних вопросов. Ритуальщикам, чтобы приехали без очереди. Он всегда так делал. В мире отца любая проблема решалась деньгами. Даже смерть. Особенно смерть.

Через час всё стихло.

Машины уехали. Чужие голоса растворились. В доме снова стало тихо — только часы на лестнице отсчитывали секунды с похоронной неторопливостью. Даши больше не было. Её тело увезли. Её комната опустела.

Я сидела и смотрела на дверь.

Отец не заходил. И я была благодарна ему за это — впервые в жизни. Я боялась его. Боялась того, что он скажет. Боялась, что он снова назовёт Дашу «бракованной». Боялась, что не выдержу и брошусь на него с кулаками. Боялась, что он снова меня ударит.

Щека всё ещё болела. Не сильно — тупая, ноющая боль, которая напоминает о себе, когда случайно касаешься лица. Я не прикладывала лёд. Мне хотелось, чтобы эта боль осталась. Чтобы завтра, когда я проснусь, у меня был синяк. Фиолетовый, жёлтый, зелёный — как напоминание о том, кто

мой отец на самом деле.

Вечер опустился на дом медленно, неохотно, как старик, который садится на скамейку. Сначала пожелтели стены, потом потемнели углы, потом и вовсе всё утонуло в синеве.

Я слышала его шаги.

Тяжёлые, размеренные, уверенные. Каблуки его дорогих ботинок выбивали по паркету ритм, который я знала с детства: шаг-пауза-шаг-пауза. Так ходит человек, который не сомневается, что земля под ним принадлежит ему.

Дверь открылась без стука.

Отец стоял на пороге, заслоня собой тусклый свет из коридора. Его силуэт был огромным — плечи не пролезали в дверной проём, кажется. Он переоделся: вместо утренней рубашки — тёмная водолазка, вместо брюк — домашние штаны из дорогой ткани. Выглядел он... обычно. Как будто ничего не случилось. Как будто сегодня не умерла дочь.

— Ужин перенесён на завтра, — сказал он без предисловий. Голос ровный, деловой. — Познакомишься с Маркусом. Он тебе понравится.

Я молчала.

Что я могла сказать? Спасибо? Иди к чёрту? Убирайся из моей комнаты? Ни одно слово не имело смысла. Ни одно слово не вернуло бы Дашу. Ни одно слово не остановило бы то, что должно было случиться завтра.

— Если попробуешь выкинуть что-нибудь — пожалеешь, — добавил он. Без угрозы в голосе — но от этого ещё страш-

нее. Настоящие угрозы не кричат. Настоящие угрозы производят спокойным тоном.

Я подняла голову. В темноте я видела его плохо — только очертания. Но он, кажется, видел меня отлично.

— За что ты так? — спросила я. Голос мой прозвучал чужим — хриплым, сломанным, будто я не пила несколько дней. — У тебя дочь умерла, папа. Твоя дочь. Даша. Которая звала тебя «папочка», когда была маленькой. Которая рисовала тебе открытки на день рождения. Которая...

— Она мой ресурс, — перебил он. — Как и ты.

Я смотрела на него, и внутри меня что-то оборвалось. Не сердце — оно уже было разбито. Что-то другое. Последняя нить, которая всё ещё связывала меня с этим человеком. Та самая невидимая пуповина, которая заставляет дочь любить отца, даже когда он этого не заслуживает.

Она лопнула.

— Ресурс, — повторила я. Слово было горьким, как полынь, и таким же ядовитым. — Мы для тебя — ресурс. Как нефть. Как газ. Как акции.

— Как бизнес, — поправил он спокойно. — Как актив. Вы — мои инвестиции. И я имею право распоряжаться своими инвестициями так, как считаю нужным.

— Так нельзя, — прошептала я. — Это не по закону. Не по-человечески. Где человечность, папа? Где? Ты меня продаёшь. Как рабов продавали на рынках. Ты понимаешь это?

— Не драматизируй, — отец сделал шаг в комнату. Я ин-

стинктивно отодвинулась к стене — и увидела, как он заметил это движение. Уголок его губ дёрнулся. То ли усмешка, то ли презрение. — Ты будешь обеспечена. Квартира, машина, счёт в банке. Маркус — не монстр, он адекватный молодой человек. Потом сами решите, как будете жить, но не думаю, что он потерпит твои выходки и своенравность.

— Выходки? — я вскочила на ноги. Ноги затекли от долгого сидения, колени дрожали, но я устояла. — Ты называешь выходками то, что я не хочу, чтобы меня продавали, как корову? То, что я плачу по умершей сестре? Ты тиран! — крикнула я. Голос сорвался на визг — противный, истеричный, но мне было плевать. — Ты думаешь, что всё можно купить. Людей, жизни, смерти. Дашу ты купил? Её можно купить обратно? Скажи, папа, сколько стоит воскресить человека? У тебя же есть деньги, ты же всё можешь!

Отец стоял неподвижно, как скала. Мои слова бились о него и разбивались в пыль.

— Я отец, — сказал он, и в этом коротком предложении было всё его оправдание. — И я устраиваю твою жизнь. Это принесёт пользу бизнесу — и тебе тоже. Ты не понимаешь сейчас, но когда вырастешь — скажешь спасибо.

— Когда вырасту? — я рассмеялась. Смех вышел сухим, каркающим, похожим на кашель. — Мне девятнадцать, папа. Я взрослая. Я имею право решать, за кого мне выходить замуж.

— В моём доме — нет, — отрезал он.

— Ты меня ударил! — вдруг выкрикнула я, сама не ожидая. Эта мысль жгла меня изнутри весь день, и вот наконец вырвалась наружу. — Ты никогда нас не бил. Никогда. Даже когда я разбила твою любимую вазу. Даже когда Даша потеряла твои часы. А сегодня ты меня ударил. За что? За то, что я посмела тебя в чём-то обвинить?

— Я привёл тебя в чувства, — ответил он без тени смущения. — У тебя была истерика.

— У меня не было истерики! — закричала я. В горле пересохло, слёзы снова подступили к глазам, но я сдерживала их из последних сил. — Это нормальная реакция, папа! Нормальная! Когда у тебя на глазах умирает сестра, нормально кричать! Нормально плакать! Нормально ненавидеть того, кто её убил!

— Её никто не убивал, — голос отца стал тише. Опаснее. — Она сама сделала выбор. Я не заставлял её глотать таблетки.

— Ты заставил её выйти замуж! — я шагнула к нему. На один шаг. Потом испугалась и остановилась. — Ты сказал: «Даша, выходи за Маркуса». Ты подписал договор, даже не спросив её. Ты убил её, папа. Не руками — словами. Не таблетками — договором. Но ты убил. И я никогда тебе этого не прощу. Никогда.

В комнате повисла тишина.

Тяжёлая, злая, как раскалённый свинец.

Отец смотрел на меня. Я смотрела на него.

И в какой-то момент я увидела в его глазах то, чего не замечала раньше. Пустоту. Абсолютную, непроницаемую пустоту. Там не было любви, не было ненависти, не было даже равнодушия. Там просто ничего не было. Как в выключенном телевизоре. Как в мёртвых Дашиных глазах сегодня утром.

— Приведи себя в порядок, — сказал он наконец. — Завтра придет Маркус. К обеду. Будь одета соответственно. Волосы, макияж — всё как полагается. Не позорь меня.

— Посрать мне на твоего Маркуса, — сказала я. Тихо, но отчётливо.

Я не узнавала свой голос. Он был слишком спокойным для того, что я чувствовала. Слишком ровным. Как у отца.

Отец двинулся ко мне.

Я не успела испугаться — он оказался рядом за долю секунды. Его рука взметнулась вверх, и я зажмурилась, ожидая новой пощёчины.

Но он не ударил.

Он схватил меня за щёки.

Его пальцы — сильные, жёсткие, пахнущие кожей и табаком — сжали моё лицо с обеих сторон. Он заставил меня поднять голову. Заставил смотреть ему в глаза.

— Только попробуй всё испортить, — прошипел он.

Я не могла говорить. Челюсти были сжаты. Я только смотрела на него — в упор, не моргая. В глазах горела ненависть такая чистая и яркая, что, наверное, её можно было увидеть

даже в полной темноте.

— Ты поняла меня, Мирослава? — спросил он, встряхнув меня за лицо.

Я молчала.

Он сжал пальцы сильнее — до хруста. Боль пронзила скулы, челюсть, отдалась в висках.

— Я спросил: ты меня поняла?

Слёзы выступили сами собой — не от страха, не от боли, а от унижения. От того, что этот человек, который называет себя моим отцом, обращается со мной, как с провинившейся собакой.

Я кивнула.

Медленно. Едва заметно. Потому что больше не могла.

Он отпустил меня.

Отшатнулся, как от грязного. Вытер ладони о штаны — будто прикосновение ко мне было чем-то омерзительным.

— Завтра в час, — бросил он на прощание. — Опоздаешь — пожалеешь.

Дверь захлопнулась.

Я осталась одна.

В темноте. В тишине. В пустоте, которая разверзлась у меня под ногами.

Я подошла к зеркалу — тому самому, в старинной резной раме, которое досталось нам от бабушки. Включила бра над ним — тусклый, жёлтый свет упал на моё отражение.

На меня смотрела чужая девушка.

Глаза красные, опухшие, под ними — синие круги, как у покойницы. Щека — с отчётливым красным отпечатком отцовской ладони. На скулах — красные полосы от его пальцев. Губы потрескались, в уголке рта запеклась кровь.

И глаза.

Глаза, в которых больше не было страха.

Была только ярость. Глубокая, холодная, как арктический океан. И решение, которое вызревало где-то внутри, как бомба замедленного действия.

Я не знала, что сделаю. Я не знала, смогу ли убежать. Я не знала, есть ли у меня вообще шанс. Но я выживу и спасусь.

Глава 4. Знакомство

Следующий день начался с того, что меня одевали.

Как куклу.

Буквально — как куклу. Бессловесную, безвольную, которую поворачивают так и эдак, поправляют складки, одёргивают подол, цокают языками, одобрительно или неодобрительно, но никогда не спрашивают её мнения.

В мою комнату ворвались три женщины. Я не знала их имён. Они были из тех, кого отец нанимал для особых случаев — стилисты, визажисты, бог знает кто ещё. Они говорили быстро, деловито, перебивая друг друга:

— Волосы распустить, да, обязательно распустить, прямые — это сейчас в тренде.

— Губы — не ярко, она и так бледная, сделаем акцент на глаза.

— Платье? Где платье? Евгений Викторович сказал, платье уже внизу.

Я сидела перед зеркалом и смотрела, как они колдуют над мной. Кисти порхали по лицу, расчёски скользили по волосам, пальцы поправляли, припудривали, подкрашивали. И с каждым взмахом кисти, с каждой уложенной прядью, с каждым новым мазком тонального крема, который скрывал синяк на щеке, я чувствовала, как что-то во мне умирает.

Внутри.

Просто умирает.

Тихо. Без криков. Без судорог. Медленно, как засыпает умирающий лес — одно дерево за другим, одна клетка за другой.

Я смотрела на своё отражение и не узнавала себя. Мои прямые белые волосы — Даша всегда говорила, что они как лунный свет — распустили по плечам и закрепили у висков маленькими невидимками. Серебристые, почти прозрачные, они струились по спине, делая меня похожей на эльфийскую принцессу из детских сказок. Только в сказках принцесс не продают.

Губы подкрасили. Нежно-розовым — «натуральный оттенок, чтобы подчеркнуть молодость». Глаза обвели тонкой стрелкой — «сделаем взгляд выразительным». На ресницы наклеили что-то пушистое и чёрное, отчего они стали похожи на крылья бабочки.

Я была похожа на куклу.

Красивую. И мёртвую.

Потом принесли платье.

Я ахнула — внутри, беззвучно. Потому что снаружи не позволила себе ничего. Платье было струящимся, цвета шампань, с декольте. Глубоким декольте. Таким, какое я себе никогда не позволяла.

Моя грудь... была весьма выразительна. Это не хвастовство — просто факт. В пятнадцать лет я носила третий размер, к восемнадцати — пятый. Я всегда стеснялась этого.

Сутулилась, носила мешковатые свитера, закрытые водолазки. Даша смеялась: «Мир, у тебя бриллианты, а ты прячешь их в сейф».

Теперь сейф вскрыли.

Платье с корсетом, который выставил все что можно выставить, а подол мягко ниспадал до колен, подчеркивая округлости бедер и стройные ноги. Узкая талия, ккоторую утянули еще больше корсетом— результат диет и бесконечных упражнений, которые отец прописывал нам с детства, как лекарство. Мы ходили в его спортзалы, плавали в его бассейнах, занимались с его тренерами. Я думала, он заботится о нашем здоровье.

Теперь я поняла.

Он лепил из нас товар. Тренировал, откармливал или морил голодом — чтобы фигура была идеальной. Следил за осанкой — чтобы плечи расправлены, грудь вперед, спина прямая. Заставлял улыбаться — чтобы зубы белые, а улыбка приветливая.

Он слепил из нас ресурс.

Актив, который можно продать подороже.

Накаченные ягодичи — всё те же тренировки в спортзалах. Плоский живот — диеты. Гладкая кожа — дорогие косметологи. Белые волосы — генетическая удача, которую он тоже, несомненно, просчитал, когда выбирал себе жену.

Женщины отступили на шаг, окинули меня взглядом. Довольные. Работу свою они сделали хорошо.

— Евгений Викторович будет доволен, — сказала одна.

— Спускайтесь вниз, гости уже приехали, — добавила вторая.

Я встала. Каблуки делали меня выше, но и более шаткой. Я чувствовала себя новорождённым жеребёнком на льду. Каждый шаг давался с трудом.

«Ты — кукла, — сказала я себе. — Ты — вещь. У вещей нет чувств. Соберись».

Но вещь внутри меня плакала. Тихо. Беззвучно. Как Даша той ночью.

Я спустилась вниз.

Лестница показалась бесконечной — ступенька за ступенькой, скрип за скрипом. С каждой ступенькой я приближалась к новой жизни. Той, которую выбрал для меня отец. Той, в которой у меня не будет права голоса.

Голоса доносились из гостиной. Мужские. Уверенные.

Я вышла в дверях и остановилась.

Отец сидел в своём любимом кресле — кожаном, массивном, которое всегда называл «троном». Он откинулся на спинку, закинул ногу на ногу, в руке — бокал с чем-то янтарным. Виски, наверное. В полдень. Он выглядел расслабленным. Довольным.

Напротив него, в кресле расположился мой будущий муж. Маркус Робертович Королёв.

Я никогда не видела его раньше. Только слышала имя. Только знала возраст — тридцать. И то, что он из семьи вла-

дельцев сети отелей. И то, что Даша должна была стать его женой.

Теперь моя очередь.

Он сидел вальяжно — ноги широко расставлены, одна рука на подлокотнике, вторая — с бокалом. Чувствовал он себя наверняка как человек, которому дозволено всё. Потому что ему и правда было дозволено всё. Деньги, связи, фамилия — пропуск в мир, где нет слова «нельзя».

Он был широкоплечим. Темноволосым. Волосы коротко стрижены, но не по-армейски — стильно, с укладкой. На нём был тёмно-синий пиджак, под ним — простая белая футболка, обтягивающая накаченную грудь. Спортивный. Ухоженный. Дорогой.

И глаза. Чёрные. Глубокие.

Когда я появилась в дверях, они замолчали.

Маркус отставил бокал. Его взгляд — медленный, неторопливый, как у хищника, который оценивает добычу, — прошёлся по мне. От тупель, вверх по ногам, по бёдрам, по талии, по груди, которую корсет выставил напоказ, по шее, по лицу. Он не торопился. Он смаковал.

— Хороша, — сказал он.

Одним словом. С паузой после. Будто поставил оценку.

— Да, — отец кивнул, подавшись вперёд. Голос его был спокойным, даже будничным. — Девятнадцать лет. Немного эмоциональна, но, думаю, возраст. Девственница.

Я замерла.

Девственница.

Он сказал это, как будто обсуждал породу собаки или характеристики автомобиля. «Девственница» — не интимная деталь, не то, что принадлежит только мне. Просто пункт в техническом паспорте товара. Галочка. Преимущество. Це-нообразующий фактор.

Маркус кивнул. Одобрительно.

— Подойди, — сказал он.

Голос у него оказался низким, бархатистым — таким, ка-ким говорят по радио диджеи ночных эфиров. Приятным. И от этого ещё более страшным.

Я стояла в дверях, как вкопанная.

— Мирослава, подойди к Маркусу, — велел отец. В его голосе не было приказа — только лёгкое напоминание. «Ты же знаешь правила, Мира. Ты же умная девочка».

Я сглотнула.

Ком в горле был размером с теннисный мяч. Я сделала шаг. Второй. Туфли скользили по паркету. Платье шелестело. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать.

Я подошла и встала перед ним.

В полутора метрах. Не ближе.

Маркус не вставал. Он сидел и смотрел на меня снизу вверх — но при этом у меня было чувство, что это он надо мной возвышается. Он снова окинул меня взглядом — мед-ленно, от щиколоток до макушки. Оценил ноги. Остановил-ся на груди, задержался, потом поднялся к лицу.

Я не смотрела на него.

Смотрела куда-то в стену за его спиной. На картину — старую, масляную, с охотничьей сценой. Лошади, собаки, всадники в красных мундирах. Я ненавидела эту картину с детства. Сейчас она казалась мне лучшим другом.

— Беру, — сказал Маркус.

Как вещь.

Как актив.

Как лошадь на аукционе.

Отец довольно кивнул, и я краем глаза заметила, как уголок его губ приподнялся в лёгкой, почти незаметной улыбке. Сделка состоялась.

— Садись, Мирослава, рядом, — распорядился отец, указав на кресло рядом с Маркусом.

Я села. Не рядом — в соседнее кресло. На безопасном расстоянии. Поджала ноги, поправила платье, которое задралось выше колена. Скрестила руки на груди — чтобы хоть как-то прикрыть декольте.

Маркус усмехнулся. Заметил.

— Мирослава, — сказал он, — посмотри на меня.

Я подняла глаза.

В упор.

Чёрные. Бездонные. В них читалось любопытство. И что-то ещё — что-то, отчего мне захотелось вжаться в кресло и исчезнуть.

— Красивая, — сказал он.

Я не повела и бровью.

Не улыбнулась. Не кивнула. Не поблагодарила. Сидела с каменным лицом, глядя на него, как на пустое место.

Он выдержал паузу. Ждал. Проверял.

— Ты говорить умеешь или будешь молчать? — спросил он с лёгкой усмешкой. Потом, не дожидаясь ответа, добавил: — Хотя. Молчаливость — даже плюс.

— Определённо, — вставил отец. В его голосе прозвучало удовлетворение. Будто он только что продал машину, а покупатель похвалил цвет кузова.

Я сидела между ними.

Между отцом, который продал меня. И мужчиной, который меня купил.

И чувствовала, как внутри закипает что-то тёмное, тяжёлое, опасное. То, что Даша, наверное, чувствовала, когда поняла, что выхода нет. То, что она не смогла вынести.

Но я вынесу.

Я не Даша.

Я не ломаюсь.

Я буду молчать. Буду кивать. Буду играть роль покорной невесты, которую от меня ждут. А потом — потом я найду способ выбраться. Или уничтожу их всех.

Отец поднял бокал.

— За помолвку, — сказал он.

Маркус подхватил тост. Они чокнулись. Янтарная жидкость плеснулась в бокалах.

Я не подняла свой бокал. Он стоял передо мной на столешке — с невинным соком, который для меня приготовили. Я смотрела на него и думала: «Интересно, они уже подсыпали туда что-то или решат, что я слишком послушная для этого?»

— Мирослава, — отец бросил на меня быстрый взгляд. Предупреждающий.

Я взяла бокал. Поднесла к губам. Сделала глоток.

Сок был сладким. Приторным. Как вся эта ситуация.

Маркус смотрел на меня поверх своего бокала. И улыбался. Той улыбкой, которая не сулила ничего хорошего.

«Добро пожаловать в мою жизнь», — подумала я.

И допила сок до дна.

Они обсуждали свадьбу.

Как будто это был рядовой деловой проект. Как будто речь шла не о жизни двух людей, а о слиянии двух корпораций. Отец называл даты, Маркус кивал, иногда вставлял замечания — меньше гостей, больше охраны, ресторан уровня «премиум», никакой самостоятельности. Всё чётко. Всё по-деловому. Всё без души.

Я сидела в кресле, сжимая пустой бокал, и чувствовала себя экспонатом в музее восковых фигур. Живая, но не двигаюсь. Настоящая, но ненастоящая. Они говорили обо мне, но не со мной. Решали за меня, но не спрашивали.

И всё это время — каждую секунду, каждый миг — я чувствовала на себе его взгляд.

Маркус не смотрел на отца. Почти. Он делал вид, что участвует в разговоре, но его глаза то и дело возвращались ко мне. Жадно. Ощутимо. Липко.

Я старалась не думать об этом. Уставилась в одну точку на ковре — персидском, дорогом, с длинным ворсом, который отец привёз из какой-то командировки. Я пересчитала все узоры. Я запомнила каждую завитушку. Я готова была нарисовать этот ковёр по памяти, только бы не замечать, как он смотрит.

Но его взгляд был везде.

Я чувствовала его на своей шее — там, где пульсировала жилка. Чувствовала на ключицах — там, где платье открывало слишком много. Чувствовала на груди — там, где ткань обтягивала то, что я всю жизнь прятала. Он раздевал меня взглядом. Нет, не раздевал — сдирал одежду слой за слоем, как кожуру с мандарина. Медленно. С наслаждением. И я ничего не могла с этим сделать.

Боже.

Мне предстоит с ним...

Мысль оборвалась. Я не могла додумать её до конца. Слово «близость» в контексте этого человека казалось кощунством. Насилием над самым языком. Но оно висело в воздухе, тяжёлое и неизбежное, как грозовая туча перед ливнем.

Я сжала бокал так сильно, что пальцы побелели.

— Мирослава, — вдруг сказал он.

Я вздрогнула. Не смогла сдержаться. Он заметил — и на

его губах заиграла лёгкая, самодовольная усмешка. Ему нравилось, что я его боюсь. Ему нравилось, что он может заставить меня вздрагивать одним своим голосом.

— До свадьбы ты поживёшь в моём доме, — сказал он. Буднично. Как о погоде.

Я подняла голову.

В шоке.

Сначала посмотрела на отца — может, он скажет, что это шутка? Может, он возразит? Может, во включится хоть какая-то искра родительской защиты?

Отец сидел в кресле, потягивая виски, и смотрел на меня с лёгким нетерпением — как на ребёнка, который медленно соображает.

Потом я перевела взгляд на Маркуса.

Он смотрел на меня в упор. Чёрные глаза блестели. В них читалось предвкушение.

— О, первая эмоция, — протянул он, откидываясь на спинку кресла. — Хорошо. Значит, умеешь выражать что-то кроме отстранённости. А я уж начал сомневаться, не куклу ли мне продают.

«Куклу», — хотела сказать я. — «Именно куклу. Только куклы обычно не дышат».

Но я промолчала.

Отец поставил бокал на столик. Звякнул лёд.

— Мирослава, сегодня соберёшь вещи и вечером пере-езжаешь, — сказал он тоном, не терпящим возражений. —

Маркус прав. Вам нужно узнать друг друга до свадьбы. При-
тереться.

Притереться.

Как детали механизма. Как шестерёнки в часах.

Я сглотнула. Ком в горле стал размером с кулак. Маркус следил за мной — за каждым движением, за каждым вздохом. Ему нравилось смотреть, как я пытаюсь держать лицо. Ему нравилось видеть борьбу.

— Деньги на счёту будут к вечеру, Евгений, — сказал Маркус, не отводя от меня глаз.

— Отлично, — кивнул отец.

Отлично.

Ему отлично.

Я сидела, вцепившись в подлокотники кресла, и не могла вымолвить ни слова. Они спокойно обсуждали то, что меня продали. Как мешок картошки. Как подержанную машину. «Деньги на счёту будут к вечеру» — это сколько же я стою? Интересно, отец торговался? Или согласился на первую цену?

Я посмотрела на отца. Он сидел с довольным лицом человека, который только что заключил выгодную сделку. Его дочь только что умерла. Его вторая дочь только что была продана. А он сидел и улыбался.

Я ненавидела его.

Так сильно, что у меня свело живот. Так сильно, что во рту появился привкус желчи. Я ненавидела его так, что готова

была вскочить и закричать на весь дом. Или разрыдаться. Или разбить что-нибудь. Или всё сразу.

Но я сидела.

Молча.

Потому что поняла: крики и слёзы — это то, чего они ждут. Это то, что их забавляет. Это доказывает им, что я живая, а значит, ломать меня доставит им удовольствие.

Я не доставлю.

Ни ему. Ни другому.

Маркус встал.

Плавно, без лишних движений — как хищник, который размялся и готов к охоте. Поправил манжету — часы на его запястье блеснули платиной. «Ролекс»? «Патек»? Я не разбиралась. И не хотела разбираться.

Я тоже встала — на автомате, как учили. Встают, когда из комнаты выходит старший. Встают, когда мужчина поднимается с места. Встают, потому что так «правильно».

И тут я поняла, насколько он большой.

Он возвышался надо мной. Я — на каблуках, а он всё равно выше меня на голову. Широкие плечи, массивная грудь — его тело будто выточено из камня. Не накачано до безобразия, как у культуристов с гормонами, а именно выточено — скульптором, который знал, что делает. Каждая мышца на своём месте. Каждая линия — завершённая.

Он был красивым.

Эта мысль пришла некстати, неуместно, почти оскорби-

тельно. Я отогнала её. Красота — не оправдание. Красивым может быть и нож, которым вас собираются ударить.

Маркус сделал шаг ко мне.

Я не отступила. Потому что некуда было — кресло сзади, стена сбоку. И потому что не хотела показывать страх.

Он остановился в полушаге. Опустил взгляд — на мои губы, на шею, на вырез платья. Задержался там, где ткань скрывала часть груди.

— Вечером жду, — сказал он тихо. Только для меня. Голос — низкий, с хрипотцой — прозвучал как обещание. Или как угроза. Или и то, и другое одновременно.

Он протянул руку. Я подумала — хочет пожать ладонь на прощание, как бизнесмен после сделки.

Но он взял меня за подбородок.

Пальцы — тёплые, сухие, сильные — сжали мой подбородок, приподняли моё лицо вверх. Я не сопротивлялась. Смотрела ему в глаза.

— Хорошая девочка, — сказал он. И отпустил.

Развернулся. Кивнул отцу. Вышел из гостиной, не оборачиваясь. Тяжёлая дубовая дверь закрылась за ним с глухим стуком.

Я стояла, чувствуя на подбородке тепло его пальцев. Меня тошнило. Физически. По-настоящему. Желудок сжался в тугой узел, и я подумала, что меня сейчас вырвет прямо на персидский ковёр.

— Ну что, Мирослава, — отец поднялся из кресла, по-

тянулся, хрустнув позвоночником. — Иди собирай вещи. Смотри, ничего не забудь. В ближайший месяц в этот дом ты вряд ли вернёшься.

— Папа, — сказала я. Голос мой звучал ровно. Слишком ровно. — Ты хоть понимаешь, что ты сделал?

Он посмотрел на меня. Без интереса. Без чувств.

— Я обеспечил твоё будущее, — сказал он. — Ты ещё скажешь мне спасибо.

— Я скажу тебе спасибо, когда ты сдохнешь, — ответила я.

Тишина.

Отец не ударил меня. Он даже не изменился в лице. Только усмехнулся — коротко, одними уголками губ.

— Собери вещи, Мирослава, — повторил он. — Через два часа за тобой приедут.

Он вышел.

Я осталась одна в пустой гостиной. Посреди ковра, который рассмотрела до последней завитушки. Под взглядами мёртвых лошадей с охотничьей картины.

Я стояла и смотрела на дверь, за которой скрылся отец. Потом на дверь, за которой скрылся Маркус.

«Ты справишься», — сказала я себе.

Но голос внутри меня, тот самый, холодный и тихий, спросил:

«А если нет?»

Я не знала ответа.

Я развернулась и пошла собирать вещи.

Глава 5. Марс

Я поднялась к себе на ватных ногах.

Каждая ступенька лестницы казалась выше, чем была на самом деле. Каблуки — эти дурацкие туфли на десяти сантиметрах — норовили подвернуться, и я то и дело хваталась за перила, оставляя на тёмном дереве влажные отпечатки ладоней. В груди колотилось что-то тяжёлое, частое, сбивчивое — не сердце, нет, сердце, кажется, остановилось ещё тогда, когда я увидела Дашино лицо. Это было что-то другое. Страх. Или ненависть. Или отчаяние. Или всё вместе, сплавленное в один горячий, пульсирующий ком.

Коридор второго этажа встретил меня запахом пыли и старых обоев.

Я вошла к себе, закрыла дверь на щеколду — ту самую, которую отец мог выбить одним ударом, но сейчас это создавало хотя бы иллюзию безопасности. Прислонилась спиной к дереву и медленно сползла вниз, пока не села на пол.

И тут меня накрыло.

Всё, что я сдерживала последние сутки — с того самого момента, как увидела Дашу на кровати с единорогами — вдруг прорвало. Я заплакала. Нет, не так. Я зарыдала. По-настоящему, по-бабьи, взхлёб — с хрипом, с мокрыми дорожками по щекам, с соплями, с дрожью в плечах, с прикушенной губой, чтобы не закричать.

Потому что кричать было нельзя.

Отец услышит. Скажет: «Опять истерика». Придёт. Даст пощёчину. Или хуже.

Я плакала в ладони — глухо, как зверь, зажимающий пасть лапой. Плакала о Даше. О себе. О том, что отец назвал её «бракованной». О том, что меня продали. О том, что у меня нет выбора. О том, что через два часа меня увезут в чужой дом, к чужому мужчине, который будет считать, что купил меня, а значит, имеет право на всё.

Я плакала, пока слёзы не кончились.

Потом сидела, опустошённая, и смотрела в одну точку на стене. В голове было пусто. В сердце — пусто. Внутри — зияющая, холодная пустота, которую ничем не заполнить.

А потом я подумала: «К кому я могу пойти? Кому позвонить?»

Ответ пришёл сразу, и он был горьким.

Никому.

Отец отгораживал нас от попыток завести друзей с самого детства. Сначала это было незаметно — ну, не пускает гулять во двор, ну, водит в школу на машине, ну, контролирует, с кем общаемся на переменах. Потом стало жёстче. Никаких ночёвок у подруг. Никаких подруг, собственно. Никаких гостей без его разрешения. Никаких телефонов до пятнадцати лет. А когда телефон появился — с него удалялись все контакты, которые отец не одобрил.

Он говорил: «Вам никто не нужен, кроме семьи. Семья —

это крепость. Снаружи — враги».

Теперь я понимала: он просто не хотел, чтобы у нас появилась поддержка. Чтобы было кому позвонить. Чтобы было куда пойти. Когда у человека нет выхода — он послушен. Когда нет альтернативы — он согласен.

Я думала о Коле — Дашином парне. Хороший, добрый Коля с тренерскими плечами и ромашками. Знал ли он уже? Сказал ли ему кто-нибудь? Или он ждёт её звонка, пишет сообщения, которые никогда не увидят ответа? Сердце сжалось. Бедный Коля. Он даже не сможет прийти на похороны — отец всё организует в закрытом режиме, без лишних глаз. «Незачем светиться», — скажет он.

У меня не было Коли. У меня вообще никого не было.

Кроме...

Я замерла.

Мысль пришла неожиданно, как луч света в кромешной тьме.

Кроме Марса.

Марс.

Я не знала его настоящего имени. Не знала, сколько ему лет. Не знала, как он выглядит — ни лица, ни фигуры, ни даже цвета волос. Я знала только голос — мы пару раз созванивались, когда было совсем невозможно, и его голос был низким, спокойным, текучим, как чёрная вода в глубине океана. И я знала его слова — те, которые он писал мне в переписке. Они всегда были правильными.

Мы познакомились случайно. Год назад. Я тогда была в отчаянном состоянии — отец объявил, что через год начнёт «присматривать женихов» для Даши. Для меня, сказал он, тоже, но позже. Даша плакала по ночам. Я злилась. Я залезла в какой-то анонимный чат — просто чтобы крикнуть в пустоту, чтобы кто-то, пусть невидимка, услышал. И там был он.

Марс.

Мы начали переписываться. Я ничего не рассказывала о себе — ничего конкретного, никаких имён, фамилий, адресов. Только чувства. Страх. Злость. Бессилие. Он слушал. Отвечал. Поддерживал. Рассказывал истории — какие-то притчи, метафоры, иногда просто глупые шутки, от которых мне становилось легче.

Он всегда был понимающим.

Он стал моим единственным другом. Моим единственным тайным пространством, куда не мог проникнуть отец.

Я никогда не сохраняла чат. Никогда не перечитывала сообщения. Мы общались — и я сразу удаляла историю. Всегда. Сразу после прочтения. Потому что если бы отец нашёл эти переписки... я не хотела думать, что бы он сделал.

Телефон дрожал в моих руках. Старый, потёртый — отец не давал нам новых, говорил, что «достаточно для звонков». Но я умудрилась тайком установить Telegram. И сохранить один контакт в скрытой папке. Под именем «Метеостанция» — потому что Марс ассоциировался у меня с чем-то далё-

ким, холодным и красивым.

Я открыла папку. Нажала на контакт.

Пальцы дрожали. Я не знала, что напишу. Как объясню. Что вообще можно сказать человеку, когда твой мир рухнул?

Я написала:

«Марс... привет»

Ответ пришёл через несколько секунд. Как будто он ждал. Как будто сидел у экрана, чувствуя, что мне нужно.

«привет Мирель, как ты?»

Мира. Только он так меня называл. Никто больше. Для отца я была Мирослава. Для Даши — Мира. Для посторонних — мисс Белая. А для него — Мирель. Как будто я была не просто именем, а целым миром. Маленьким. Хрупким. Его миром.

Я сглотнула. Написала:

«сестра умерла»

Пауза. Длинная. Тяжёлая. Я смотрела на экран, на статус «онлайн», и боялась, что он сейчас напишет что-то дежурное — «соболезную», «держись», «всё будет хорошо». От этих слов меня тошнило.

Но Марс написал:

«что случилось?»

Не «как», не «почему так быстро». Конкретно. По делу. Он всегда так — сначала факты, потом чувства.

«покончила с собой»

«соболезную маленькая. почему?»

Маленькая. Он называл меня маленькой, хотя не знал моего возраста. Может, чувствовал. Может, ему было за тридцать, и я для него действительно была маленькой. Но это слово — «маленькая» — звучало из его уст не как оскорбление, а как нежность. Как то, чего я никогда не получала от отца.

«потому что отец продал её мужику»

Я нажала «отправить» и замерла. Звучало дико. Средневековье какое-то. Купля-продажа людей в двадцать первом веке. Но это была правда. Самая что ни на есть голая, неприкрытая правда.

«какие старые у вас обычаи»

Он не осуждал. Не ужасался. Просто констатировал факт — и в этой простоте было больше принятия, чем в любых пространных сочувствиях.

«да и теперь я вынуждена за него выйти замуж»

Мои пальцы дрожали, когда я печатала это. «Вынуждена». Какое мерзкое слово. «Выходить замуж». Какое красивое слово для такой уродливой ситуации.

«сочувствую маленькая. Он страшный?»

Я задумалась. Страшный ли Маркус? Нет. Не в том смысле. Внешне — нет. Внешне он был... я не хотела даже думать об этом. Но ответила честно:

«нет... красивый, но судя по виду душа его так же страшна, как душа моего отца, который, увидев тело моей сестры, сказал, что она бракованная»

Я отправила и зажмурилась. Словно признание в этом — в

красоте Маркуса — было предательством. Даши. Себя. Всех девушек, которых когда-либо продавали красивым мужчинам с чёрными глазами.

«это ужасно Мирель. Что будешь делать?»

Мирель. Слово звучало как музыка — нежная, печальная, колыбельная.

Я хотела заплакать снова, но слёзы кончились. Осталась только сухая, колючая тоска.

«у меня нет выбора, через два часа переезжаю»

«переезжаешь? куда?»

«к нему. Маркусу. Он сказал, что до свадьбы я буду жить в его доме. Отец согласился. Деньги уже перевели»

«маленькая...»

Я смотрела на эти три точки — он печатал что-то долго, стирал, снова печатал. Я представляла его — безликого, безымянного, но такого родного — сидящего где-то там, в своей жизни, и пытающегося подобрать слова.

Наконец пришло:

«я могу помочь?»

Всего три слова. Но в них было столько силы, что у меня перехватило дыхание. Он не спрашивал «чем я могу помочь?» в той пустой, вежливой манере, когда человек просто обозначает участие, не собираясь ничего делать. Он спросил: «я могу помочь?» — как будто помощь была реальной опцией. Как будто он действительно мог что-то сделать.

Но что он мог? Он — невидимка из интернета. Может, он

живёт в другой стране. Может, ему семнадцать. Может, он сам чей-то пленник. Я ничего о нём не знала.

«нет... ничем не поможешь .. за меня заплатили»

«это ничего не значит»

«что?»

«что за тебя заплатили. Это не делает тебя вещью. Ты — человек. И ты всегда можешь сказать "нет". Даже когда кажется, что нельзя»

Я горько усмехнулась. Сказать «нет». Легко ему. Он не видел отца. Не чувствовал его пальцев на своём подбородке. Не знал, каково это — когда твоё «нет» не стоит равным счётом ничего.

«легко тебе говорить»

«легко. я много раз говорил "нет" там, где все говорили "да". и каждый раз это было правильно»

Я задумалась. Кто он? Военный? Политик? Монах? Я не знала. Но в его словах была уверенность человека, который прошёл через огонь и воду.

«я всегда рядом ты можешь написать мне»

«в любое время»

«обещаю»

Три сообщения подряд. Он торопился. Боялся, что я исчезну. Или что не поверю.

«спасибо за поддержку»

«Мира»

«да?»

«ты сильнее, чем думаешь. запомни это. даже если будет казаться, что ты ломаешься — ты не ломаешься. ты гнёшься. как дерево на ветру. но корни держат»

Я смотрела на эти слова и не могла пошевелиться. Корни. Какие у меня корни? Отец, который продал меня. Мать, которую я почти не помнила. Даша, которая выбрала смерть. У меня не было корней. Меня вырвали с мясом.

Но может быть... может быть, он был прав. Может быть, корни были не снаружи, а внутри. Где-то глубоко, в той части меня, которую ещё не отняли.

«спасибо, Марс»

«береги себя, Мирель. пиши, как сможешь. я буду ждать»

Я закрыла чат. Удалила историю — как всегда. Спрятала телефон в карман платья и долго сидела, глядя в окно на сад, где догорал закат.

Марс.

Единственный, кому я была нужна не как ресурс, не как актив, не как кукла для постели. А просто как Мира. Мирель.

Может быть, это было всё, что у меня осталось.

Но иногда одного лучика достаточно, чтобы не сдохнуть в темноте.

Я встала. Вытерла лицо. Подошла к шкафу и начала собирать вещи.

Через два часа за мной приедут, но я увожу с собой не только чемодан. Я увожу надежду. Маленькую, хрупкую, глу-

пую — но надежду на то, что однажды я скажу «нет».

И это «нет» будет иметь вес.

Глава 6. Первая ночь

Ровно через два часа я стояла в холле.

Чемодан — один, маленький, только самое необходимое — слуги уже унесли вниз. Я слышала их шаги на лестнице, тяжёлые, осторожные: двое мужчин в чёрных брюках и белых рубашках, которых я видела в этом доме сотни раз, но никогда не запоминала имён. Они не смотрели на меня. Им было всё равно. Для них я была просто очередным грузом, который нужно погрузить в машину.

Я спускалась медленно. Туфли — всё те же, на десяти сантиметрах — цокали по ступенькам: цок-цок-цок, как метроном, отмеряющий последние минуты моей свободы. Платье цвета шампань, которое так понравилось Маркусу, теперь казалось мне саваном. Красивым. Дорогим. Смертельным.

Отец ждал внизу.

Он стоял в центре холла — ноги на ширине плеч, руки в карманах брюк. Смотрел на меня. Оценивал. Я знала этот взгляд — он примерял, достаточно ли хорошо я выгляжу для покупателя. Доволен ли клиент. Не придётся ли делать скидку.

— Мирослава, — сказал он, когда я поравнялась с ним.

Я остановилась. Не подошла ближе. Не посмотрела в глаза — смотрела куда-то в район его подбородка, чтобы не видеть

эту пустоту в зрачках.

— Будь хорошей девочкой, — сказал он. Голос — спокойный, наставительный, как у тренера перед соревнованиями. — Без глупостей. И тогда всё будет хорошо.

Всё будет хорошо.

Я промолчала.

Потому что для меня этот человек умер.

Не сегодня. Не вчера. Не тогда, когда он ударил меня. А раньше. Намного раньше. Может быть, в тот момент, когда он посмотрел на Дашино тело и сказал «бракованная». Может быть, ещё раньше — когда впервые назвал нас «ресурсом». А может быть, я просто никогда не знала его настоящего. Только маску. Только функцию. Только роль «отца» в спектакле под названием «идеальная семья».

Я прошла мимо.

Не попрощалась. Не обернулась. Не сказала «до свидания» или «прощай». Я просто прошла — мимо него, мимо портретов предков на стенах, мимо камина, где стояла наша с Дашей фотография, мимо всего, что составляло мою жизнь последние девятнадцать лет.

На улице вечерний воздух ударил в лицо — тёплый, пахнувший липами и дорогой пылью. Я глубоко вдохнула, и в груди защипало. Свобода? Нет. Просто смена тюрьмы. Одной на другую.

Мы жили на Рублёвке. В том самом посёлке, где стены выше, заборы толще, а ворота — автоматические, с охраной и

видеокамерами. Элита элит. Дома здесь стоили как небольшие самолёты, а люди — как дешёвые безделушки. Отец гордился этим местом. Говорил: «Мы здесь не живём, мы здесь обитаем. Как боги на Олимпе». Только боги почему-то не продают своих детей. А он продал.

У дома, на идеально ровной асфальтированной площадке, стоял Майбах.

Чёрный. Хищный. Низкий и длинный, как акула, вышедшая на охоту. Лаковая краска блестела в свете уличных фонарей, отражая оранжевые блики. Я не разбиралась в машинах, но эту знала — отец хотел такой же, но потом сказал, что «Королёвы опередил». Теперь я понимала, почему он тогда скривился. Лимитированная коллекция. Всего пара таких авто и отец не успел купить.

Маркус стоял у капота.

Он курил.

Я никогда раньше не видела, как он курит — в гостиной он не позволял себе, соблюдал приличия. А здесь, на улице, в тени вечера, он выглядел иначе. Более... настоящим. Тёмная рубашка с закатанными до локтя рукавами открывала предплечья — сильные, с чёткими линиями мышц и тёмными волосками на смуглой коже. В одной руке сигарета, во второй — телефон, который он тут же убрал в карман, заметив меня.

Сигаретный дым тянулся вверх, таял в сумеречном небе. Маркус затянулся в последний раз, бросил окурок на землю

и придавил носком дорогого ботинка. Неторопливо. Властно.

Его взгляд скользнул по мне — от туфель до макушки — и задержался на лице.

— Выходит, не сбежала, — сказал он. Не вопрос. Констатация.

Я не ответила.

Слуги уже закинули мой чемодан в багажник. Один из них — молодой, с короткой стрижкой — открыл заднюю дверцу Майбаха.

— Садитесь, мисс, — сказал он, глядя в пол.

Я села.

Салон встретил меня запахом дорогой кожи и мужского одеколona — резкого, древесного, с нотками табака и чего-то восточного. Сиденья были чёрными, мягкими, как облако. Пространства — много, даже слишком. Я могла бы вытянуть ноги, развалиться, занять полсалона. Но я сидела прямо, прижавшись к двери, на самом краю. Как воробей на ветке, под которой ждёт кот.

Маркус сел рядом.

Дверца захлопнулась с глухим звуком. Заблокировалась. Я услышала щелчок центрального замка — и сердце ухнуло вниз, в пятки.

Он сел близко. Так близко, что я чувствовала тепло его тела через ткань платья. Так близко, что видела, как под тонкой кожей на его виске пульсирует жилка.

Я смотрела прямо перед собой — на спинку переднего сиденья, на водителя, который делал вид, что его здесь нет.

Маркус положил руку мне на бедро.

Это случилось быстро. Без предупреждения. Без вопроса. Его ладонь — широкая, горячая, тяжёлая — легла на мою ногу чуть выше колена, прямо там, где платье заканчивалось и начиналась голая кожа.

Я вздрогнула.

Всем телом. Как от удара током. Каждая мышца напряглась, позвоночник выгнулся дугой, и я вжалась в дверь сильнее — туда, где уже не было места.

Он начал гладить.

Медленно. Лениво. Большим пальцем водил по внутренней стороне бедра — туда-обратно, туда-обратно, как будто гладил кошку. Или проверял текстуру ткани. Или просто получал удовольствие от того, что я не могу ничего сделать.

— Не трогайте, — сказала я.

Голос прозвучал глухо. Сдавленно. Не так, как я хотела. Я хотела крикнуть, рывкнуть, ударить по руке. Получился писк — тонкий, испуганный, жалкий.

Маркус не убрал руку.

Он даже не посмотрел на меня. Смотрел прямо перед собой, на дорогу, которая открывалась за лобовым стеклом — водитель уже выезжал с территории посёлка, минуя шлагбаум.

— Я заплатил, малышка, — сказал он спокойно. Так же,

как отец говорил «будь хорошей девочкой». — Через месяцы станешь моей женой. Со всеми вытекающими обязанностями. Привыкай.

Он сжал бедро — сильнее, чем нужно было для простого прикосновения.

Я посмотрела на него.

Впервые за весь вечер — прямо в глаза. В эти чёрные, бездонные, ничего не выражающие глаза. В них не было злобы. Не было страсти. Не было даже вожделения, в привычном смысле. Было что-то другое. Владение. Он смотрел на меня как на свою вещь — и в этом взгляде не было сомнений.

— Я лучше умру, — сказала я.

Тихо. Чётко. Без истерики. Я хотела, чтобы он услышал. Чтобы понял. Чтобы испугался, может быть — хотя бы на секунду.

Но Маркус не испугался.

Он улыбнулся.

Красиво. Хищно. Одними уголками губ.

— О нет, — сказал он. — Этого я не допущу, Мирослава.

Он сжал моё бедро ещё сильнее и придвинулся. Теперь между нами не было расстояния. Я чувствовала запах его кожи, его дыхание на своей щеке, тяжесть его тела рядом.

— Ты моя, — сказал он.

Не спросил. Не предложил. Не попросил.

Сказал.

Как факт. Как приговор. Как подпись в договоре, который

я не читала.

Майбах выехал на шоссе. Водитель включил поворотник, и машина плавно, бесшумно набрала скорость. За окном мелькали огни — фонари, фары встречных машин, вывески ресторанов. Обычный вечер в Москве. Обычная жизнь. Где-то там люди смеялись, пили кофе, целовались на скамейках, ссорились и мирились. Жили.

А я ехала в чужой дом к чужому мужчине, который уже считал меня своей собственностью.

Рука Маркуса всё ещё лежала на моём бедре. Не двигалась. Просто лежала — тяжёлая, хозяйская, напоминающая о себе каждым граммом.

Я не смотрела на него. Смотрела в окно. На огни, которые проплывали мимо, такие близкие и такие недостижимые.

«Ты моя», — сказал он.

Я закрыла глаза.

И в темноте за веками увидела Дашу. Её лицо. Её пустые глаза. Её тихий голос: «Мир, это решённый вопрос».

Я не стану ею.

Клянусь.

Я не стану.

Майбах бесшумно скользил по ночному шоссе. За толстыми стёклами — абсолютная тишина, отгороженность от мира, вакуум. Только мягкое покачивание и равномерный гул двигателя, который чувствовался скорее вибрацией в позвоночнике, чем звуком.

Я сидела, прижавшись к двери, насколько это было возможно. Платье цвета шампань сбилось, оголив колени. Я не поправляла. Какая разница, что он увидит? Он уже всё решил. Он уже всё купил.

Маркус молчал.

Несколько минут он просто сидел рядом, не убирая руки с моего бедра. Пальцы — длинные, сильные, лежали неподвижно, но я чувствовала в них напряжение. Как у хищника, который затаился перед прыжком. Ждёт. Смотрит. Оценивает.

Я смотрела в окно. За стеклом проплывали огни — редкие на Рублёвке, частые ближе к городу. Жёлтые, белые, красные. Чужие жизни в чужих окнах. Где-то там кто-то ужинал с семьёй. Где-то ссорились. Где-то смотрели телевизор. Где-то любили.

А я ехала навстречу тому, чего боялась больше смерти.

Потому что смерть — это конец. А это было началом. Началом чего-то тёмного, липкого, неизбежного.

— Мирослава, — вдруг сказал он.

Я не ответила. Не повернулась.

Он не настаивал. Вместо этого я почувствовала его пальцы у себя на плече — там, где платье открывало ключицу. Он откинул мои волосы. Медленно. Аккуратно. Как будто распутывал дорогую пряжу. Белые пряди скользнули по его пальцам, и на секунду мне показалось, что он залюбовался. Но это было не так. Он просто примерялся.

Его голос — низкий, бархатистый — раздался почти у самого уха:

— Красивая.

Я вздрогнула. От его дыхания на шее побежали мурашки — противные, липкие, заставляющие кожу сжиматься в мелкие пупырышки.

— Будешь послушной девочкой, — продолжал он, и в голосе появилась та самая нота, от которой мне захотелось открыть дверь и выпрыгнуть на ходу, — будет приятно. Очень.

Он сделал паузу. Смаковал слово. «Приятно». Для кого приятно? Для него? Или для меня? Я не хотела знать.

— А если не буду? — спросила я.

Голос мой прозвучал ровнее, чем я ожидала. Словно я спрашивала о погоде. О курсе доллара. О чём-то неважном. Но внутри всё дрожало. Маркус усмехнулся. Коротко. Без веселья.

Он повернул мою голову.

Двумя пальцами — за подбородок, как тогда, в гостинной. Сильно. Не спрашивая. Моё лицо оказалось в нескольких сантиметрах от его. Чёрные глаза в упор. Наверное, я должна была испугаться. Или заплакать. Или закричать.

Я смотрела.

Просто смотрела.

— Давай не будем о плохом, — сказал он.

«Плохом». Он назвал моё сопротивление «плохим». Как будто нормально, что меня продали. Как будто нормально,

что меня трогают без разрешения. Как будто «плохое» — это если я посмею сказать «нет».

Его палец — указательный, с твёрдой подушечкой — провёл по моей нижней губе.

Медленно. От уголка к уголку. Я чувствовала его кожу на своих губах — сухую, горячую, чуть шершавую. Меня замутило. Физически. Желудок сжался, и я подумала: «Только не вырвать. Только не сейчас. Не давай ему этой победы».

Его глаза жадно изучали моё лицо. Словно он запоминал каждую чёрточку. Каждую родинку. Каждый изгиб. Изучал — и владел. Уже владел. Сейчас, в этой машине, он был хозяином. Я — вещью.

Его рука скользнула на шею.

Пальцы сомкнулись — не сильно, не больно, но ощутимо. Я ахнула. Не от боли — от неожиданности. От того, как его ладонь легла на моё горло, как большой палец нащупал пульсирующую жилку под челюстью. Он держал меня за шею. Как щенка. Как кошку. Как то, что может вырваться, и это нужно контролировать.

Я замерла. Даже дышать стала реже — потому что каждое движение отдавалось в его пальцах. Он чувствовал мой пульс. Чувствовал, как колотится сердце. Чувствовал страх, который я так старалась скрыть.

Он улыбнулся. Одними глазами.

Потом его рука спустилась ниже. На плечо. Погладила — там, где ткань платья переходила в открытую кожу. Надавила

— пальцами, подушечками, проверяя упругость. Спустилась ещё ниже.

К груди.

Я дернулась.

Всё тело напряглось, выгнулось дугой. Я попыталась отодвинуться — но куда? Дверь. Его тело с другой стороны. Я была в ловушке, в роскошной, пахнущей кожей и деньгами ловушке.

Его пальцы сжали верх моей груди — там, где декольте открывало мягкую округлость. Не сильно. Пробующе. Как человек, который примеряет вещь в магазине — мнёт ткань, проверяет качество, решает, стоит ли брать.

— Не надо, — выдохнула я.

Он не услышал. Или услышал, но не обратил внимания.

Он навалился сильнее.

Теперь его тело прижимало меня к двери — тяжелое, горячее, чужое. Запах одеколona ударил в нос — резкий, древесный, с нотами кожи и табака. Я чувствовала его дыхание на своей шее, на ключицах, на груди. Он не целовал — просто дышал. Глубоко, тяжело, как зверь, который нюхает добычу.

— Какая же ты, — прошептал он, и в голосе сквозило что-то восхищённое, почти благоговейное, — какая же ты...

Он не закончил.

Или я не услышала — потому что в ушах зашумело, перед глазами поплыли чёрные круги, и всё тело свело судорогой

отвращения.

Я закрыла глаза.

И в темноте, за веками, увидела Дашу. Она стояла на пороге своей комнаты — в розовой пижаме, с мокрыми волосами после душа. Улыбалась. «Мир, ты чего такая кислая? Пойдём чай пить, я печенье купила».

Я открыла глаза.

Надо мной — чёрные глаза Маркуса. Его рука на моей груди. Его дыхание на моей коже.

— Пожалуйста, — прошептала я. — Не здесь. Не сейчас.

Не знаю, откуда взялись эти слова. Может быть, инстинкт. Животный, женский — оттянуть, отсрочить, выиграть время. Может быть, я просто хотела, чтобы он убрал руки. Хотя бы на минуту.

Маркус замер.

Посмотрел на меня. Долго. Пристально. Что-то искал в моих глазах. Слабость? Согласие? Покорность?

— Хорошо, — сказал он неожиданно.

И отодвинулся.

Руки убрал. Тело отстранил. Сел на своё место — на приличном расстоянии, как джентльмен. Поправил манжету. Посмотрел в окно.

— Не здесь, — повторил он, как бы соглашаясь. — Не сейчас.

В его голосе прозвучало обещание.

«Но потом».

Я вжалась в дверь, обхватила себя руками — не от холода, от ужаса. Платье было влажным от пота. Дрожь колотила так сильно, что зубы стучали.

Майбах ехал дальше.

За окном мелькнула заправка, потом поворот, потом длинная аллея, обсаженная старыми соснами. Мы въезжали в посёлок. Чужой. Новый.

Маркус смотрел вперёд, на дорогу. Спокойный. Расслабленный. Как будто ничего не случилось.

А я сидела рядом и чувствовала, как на внутренней стороне бедра всё ещё горит след от его ладони. Как на шее — отпечатки его пальцев. Как на груди — чужое, липкое тепло.

И думала только об одном:

«Как я буду жить с этим? Как я буду жить с ним?»

Ответа не было.

Впереди показались ворота. Высокие, кованые, с камерами по периметру. Охранник вышел из будки, заглянул в окно, увидел Маркуса — и ворота открылись.

Машина въехала на территорию.

Мой новый дом.

Моя новая клетка.

Дверца Майбаха открылась с той же бесшумной плавностью, с какой машина въехала в ворота. Вечерний воздух ворвался в салон — прохладный, пахнущий хвоей и чем-то сладким, возможно, цветущим жасмином. Где-то вдалеке стрекотали сверчки. Мирная, уютная картина. Идиллия, ко-

торуую разрушало одно только моё присутствие.

Я вышла.

Ноги в туфлях на высоких каблуках подкосились — колени дрожали так сильно, что я едва удержалась, ухватившись за край дверцы. Водитель — молодой парень в чёрной униформе — не протянул руки. Не посмел. Только опустил глаза и отступил на шаг.

Передо мной стоял дом.

Нет, не дом. Особняк. Дворец. Чудовищное сооружение из стекла и бетона, подсвеченное снизу холодным голубоватым светом. Огромные панорамные окна, несколько этажей, террасы, балконы. Вокруг — идеальный ландшафтный дизайн: ровный газон, подстриженные кусты, фонтан перед входом. Всё вылизано до стерильности. Ни соринки. Ни лишней веточки. Ни души.

Тишина стояла такая, что звон в ушах казался оглушительным.

Я перевела взгляд ниже — и замерла.

У входа в дом, выстроившись в шеренгу, стояли слуги. Пять человек. Женщины в чёрных платьях с белыми фартуками, мужчины в строгих костюмах. Они стояли неподвижно, как солдаты на параде, и смотрели прямо перед собой. Никто не улыбался. Никто не смотрел на меня.

Когда я вышла из машины, они синхронно склонили головы.

Пять человек. Один поклон. Как по команде.

— Это ваша госпожа, Мирослава, — сказал Маркус, выходя следом.

Его голос разнёсся по тихой улице — спокойный, властный, не терпящий возражений. Он поправил рубашку и встал рядом со мной. Близко. Так близко, что я чувствовала тепло его тела через прохладный вечерний воздух.

— Следите за её благополучием в доме, — продолжал он, обращаясь к слугам. — И чтобы не нарушала правила.

Не нарушала правила.

Чтобы не сбежала.

Каждый будет следить.

Я стояла и смотрела на склонённые головы, на белые фартики горничных, на чёрные костюмы охранников, и чувствовала, как вокруг меня — невидимая, но осязаемая — захлопывается клетка.

Красивая. Дорогая. С золотой решёткой.

Но клетка.

— Добро пожаловать домой, Мирослава, — сказал Маркус.

Он сделал ударение на слове «домой». Как будто это место когда-нибудь станет для меня домом. Как будто я могу назвать домом тюрьму, где меня будут сторожить пять пар глаз.

Я молчала.

Что я могла сказать? Спасибо? Пошёл ты? Отпустите меня?

Ни одно слово не имело смысла.

Маркус положил руку мне на талию.

Я вздрогнула — рефлекторно, как животное, которое ожидает удара. Его ладонь легла чуть выше бедра, пальцы сомкнулись на изгибе талии, притягивая меня ближе. Я чувствовала его пальцы через тонкую ткань платья — горячие, уверенные, хозяйские.

— Пойдём, — сказал он, — покажу тебе нашу спальню.

Нашу.

Слово ударило по ушам, как пощёчина.

— Нашу? — переспросила я.

Голос мой прозвучал глухо. Чужим.

Маркус посмотрел на меня сверху вниз. В свете уличных фонарей его лицо казалось высеченным из камня — прекрасное и безжалостное, как античная маска. Чёрные глаза блестели. В уголках губ залегла тень — не то усмешка, не то предвкушение.

— Нашу, — повторил он.

Медленно. Смакуя каждую букву.

Я сглотнула. Ком в горле стал размером с кулак.

— Но мы не женаты, — сказала я. Это было слабое возражение, жалкое, детское — но другого у меня не было.

— Через месяц будем, — парировал Маркус. — А пока — живём вместе. Знакомимся. Притираемся.

Он потянул меня за талию ко входу. Я сделала шаг — потому что не сделать было нельзя. Его рука была сильнее мо-

ей воли. Пока что.

Мы прошли мимо шеренги слуг. Они так и стояли с опущенными головами — ни звука, ни движения. Живые манекены. Части интерьера.

— В доме есть правила, — сказал Маркус, пока мы поднимались по широким каменным ступеням к парадной двери. — Первое: ты никуда не выходишь без моего разрешения и без сопровождения. Второе: твой телефон — на столе у охраны каждый вечер в десять. Третье: никаких гостей без моего ведома. Четвёртое: если что-то требуется, говоришь мне, не охране, не слугам, мне...

Он перечислял, как заученный список. Пункт за пунктом. Правило за правилом. Я слушала и понимала: он готовился. Он ждал меня. Он продумал всё — каждую мелочь, каждый способ контроля, каждую лазейку, через которую я могла бы выскользнуть.

— Пятое: ты спишь в моей спальне. В моей постели.

Мы остановились перед дверью. Тяжёлой, дубовой, с бронзовой ручкой.

Маркус повернулся ко мне. Взял за подбородок — снова. Приподнял моё лицо. Я смотрела в его чёрные глаза и видела в них отражение собственного страха.

— Ты поняла правила, Мирослава? — спросил он.

— Поняла, — сказала я.

Потому что спорить было бесполезно. Потому что он был сильнее. Потому что за мной следили пять пар глаз и ещё бог

знает сколько камер.

Он улыбнулся. Открыл дверь.

— Умница.

Мы вошли в дом.

Внутри было ещё красивее, чем снаружи. Мраморные полы, хрустальные люстры, картины в тяжёлых рамах. Всё дорого. Всё кричало о деньгах, но молчало о душе.

Маркус вёл меня через холл, мимо лестницы с коваными перилами, мимо гостиной, мимо кабинета. Я старалась запомнить путь. Поворот налево. Прямо. Снова налево. Широкий коридор с картинами на стенах — пейзажи, натюрморты, пара портретов.

— Это крыло моё, — пояснил он. — Слугам сюда без разрешения нельзя. Так что не волнуйся, никто не помешает.

Он усмехнулся.

Я не поняла, чему он усмехается. Потом поняла.

«Никто не помешает» ему делать со мной, что он захочет.

Мы подошли к ещё одной двери — высокой, белой, с изящной резьбой. Маркус толкнул её и пропустил меня вперёд.

Я вошла и замерла.

Спальня была огромной. Размером с половину дома на-верное. Гигантская кровать под балдахином — белые простыни, много подушек, шёлковое покрывало. Стены — тёмно-синие, почти чёрные. На окнах — тяжёлые портьеры. В углу — камин. Диван. Маленький столик.

И пахло здесь им. Тем же одеколоном, что и в машине. Резким, древесным, удушающим.

— Нравится? — спросил Маркус, вставая за моей спиной.

Я не ответила.

— Привыкнешь, — сказал он, словно утешая.

Он подошёл к кровати и сел на край. Похлопал по покрывалу рядом с собой.

— Иди сюда.

Я не двинулась.

— Мирослава, — в его голосе появились стальные нотки.

— Я сказал: иди сюда.

Я сделала шаг. Потом второй. Третий.

Села на край кровати. На самый край — так, чтобы между мной и ним оставалось как можно больше места.

Маркус посмотрел на это расстояние и усмехнулся.

— Знаешь, — сказал он, — я мог бы сейчас потребовать всё, что положено жениху. Договор подписан. Деньги переведены. По закону и по понятиям ты почти моя жена.

Я замерла.

— Но я не буду, — продолжал он. — Не сегодня. Ты напугана. Я вижу. Дрожишь, как осиновый лист.

Он протянул руку и провёл пальцами по моей щеке — от скулы до подбородка. Я не дышала.

— Я терпеливый, Мирослава, — сказал он тихо. — Я умею ждать. Ты сама придёшь ко мне. Сама попросишь. И тогда...

Он не закончил. Просто улыбнулся.

Встал. Подошёл к шкафу, достал мужскую пижаму — тёмно-синюю, шёлковую.

— Ванная там, — кивнул он на дверь в углу комнаты. — Можешь принять душ. Полотенца в шкафчике. Халат там же.

Он посмотрел на меня через плечо.

— Я сплю на левой стороне. Ты — на правой. Запомни.

Он вышел из спальни, закрыв за собой дверь.

Я осталась одна.

Сидела на краю чужой кровати, в чужом доме.

Внутри всё кипело. Страх. Отвращение. Ненависть. И ещё что-то — маленькое, холодное, твёрдое. Как ледяной кристалл в центре кипящего котла.

Решение. Я не знала какое. Не знала как. Не знала когда. Но я знала, что не останусь здесь навсегда.

Клянусь Дашей. Клянусь собой. Я отсюда выйду. Даже если мне придётся пройти сквозь огонь.

Я встала.

Туфли — эти проклятые орудия пытки на десяти сантиметрах — полетели в угол. Босиком на холодном мраморе было непривычно, но приятно. Хоть какое-то облегчение. Хоть какая-то маленькая победа над этим миром, который заставлял меня быть выше, стройнее, красивее, удобнее.

Я стояла посреди спальни, прислушиваясь к себе.

Страх никуда не делся. Он сидел в животе, липкий и хо-

лодный, как лягушка. Но к нему добавилось что-то новое. Любопытство. Азарт. Желание понять, где я нахожусь. Оценить территорию. Найти выходы.

«Ты ведёшь себя как зверь в новом вольере», — подумала я. — «Ощупываешь углы, ищешь лазейки. Может быть, это правильно. Может быть, звери выживают именно так».

Маркус ушёл. Куда — я не знала. В свой кабинет? В спортзал? В душ? Мне было всё равно. Важно другое: его не было рядом. Его рука не лежала на моей талии. Его пальцы не сжимали мою шею. На несколько минут я была свободна от его присутствия.

Эти минуты нужно было использовать.

Я подошла к двери. Приоткрыла. Бесшумно — насколько могла. Высунула голову в коридор.

Пусто.

Коридор тянулся в обе стороны — широкий, с высоким потолком, увешанный картинами. Пол — тёмный паркет. Стены — цвета слоновой кости. Дорогие бра над каждой картиной отбрасывали мягкий золотистый свет.

Я выскользнула из спальни и пошла налево.

Почему налево? Интуиция. Или просто так решила. В любом случае, нужно было запомнить маршрут.

Первая дверь — закрыта. Я приложила ухо — тишина. Дёрнула ручку — заперто. Хозяйская половина? Или просто кладовка? Не важно. Запомнила: налево от спальни, первая дверь — закрыто.

Вторая дверь — открыта. Я заглянула.

Гостиная. Маленькая, уютная — не та парадная, мимо которой мы шли. Два кожаных дивана, низкий столик, телевизор во всю стену. На столике — пустой бокал и мужской журнал. Маркус смотрел телевизор? Или кто-то другой? В доме, наверное, есть ещё люди. Охрана. Личный помощник. Я ничего не знала об этом месте.

Третья дверь — библиотека.

Я замерла на пороге.

Комната была небольшой, но потрясающей. Стены от пола до потолка заставлены книгами — старыми, в кожаных переплётах, и новыми, с яркими суперобложками. Посередине — массивное кресло и торшер с тёплым светом. Пахло бумагой, пылью и почему-то ванилью.

Я сделала шаг внутрь. Потом второй.

Библиотека. Настоящая библиотека. В доме человека, который купил меня, как вещь.

Это казалось диссонансом. Но я обрадовалась библиотеке. Обрадовалась так, что к горлу подступил комок. Потому что книги — это побег. Книги — это другой мир. Книги — это то, что остаётся с тобой, даже когда отнимают всё.

Я провела пальцами по корешкам. Шекспир, Толстой, Достоевский. Агата Кристи. Стивен Кинг. И рядом — какие-то бизнес-бестселлеры, маркетинг, психология успеха. Маркус читал? Или это интерьерная мишура?

Я запомнила библиотеку. Отметила мысленно: «Сюда

можно приходить. Здесь безопасно. Здесь можно спрятаться».

Пошла дальше.

Коридор сворачивал направо. Я свернула и оказалась перед лестницей — широкой, мраморной, с коваными перилами. Вниз или дальше прямо по коридору.

Куда?

Я прислушалась. Снизу доносились голоса — приглушённые, неразборчивые. Охрана? Слуги? Маркус? Я не хотела рисковать. Не сегодня. Не сейчас.

Я пошла дальше по второму этажу. Дальше пахло пылью и чем-то заброшенным — как в местах, куда редко заходят. Комнаты. Одна за другой. Гостевые спальни, наверное. Пустые. Безликие. Я открыла одну — кровать, застеленная свежим бельём, но никто здесь не жил. Вторую — то же самое. Третью.

Четвёртая дверь была заперта.

Я прижалась к ней ухом — тишина. Заглянула в замочную скважину — темнота.

Что там? Склад? Оружейная? Или комната, где держат тех, кто нарушил правила?

Я поёжилась. Отступила.

Запомнила: второй этаж, четвёртая дверь слева — заперта.

Повернула обратно. Прошла мимо лестницы — голоса стихли. Или ушли, или говорили тише. Я не стала проверять.

Уже возвращаясь к спальне, я нашла ещё одну дверь — в самом конце коридора, за библиотекой. Неприметная, сливающаяся со стеной. Я почти прошла мимо, но что-то заставило остановиться.

Ручка. Обычная. Без замка.

Я толкнула дверь.

Холодный воздух ударил в лицо. Улица.

Чёрный выход с лестницей, уходящей вниз. Но это был выход. Это была возможность.

Не сегодня. Не завтра. Но когда-нибудь.

Я закрыла дверь. Отошла.

Пора возвращаться. Маркус мог вернуться в любой момент. Если он застанет меня за изучением его дома — что он подумает? Что я планирую побег? Что я опасна? Что меня нужно запереть крепче?

Я не хотела узнавать.

Бесшумно, как тень, я скользнула обратно в спальню. Села на край кровати — туда же, где сидела до этого. Пригладила волосы. Убрала ноги под подол платья.

Сердце колотилось — не от страха. От адреналина.

Я выяснила планировку. Я нашла библиотеку. Я нашла чёрный выход. Я узнала, где запертые двери.

Это был не побег. Пока нет. Это была разведка.

А разведка — первый шаг к побегу.

Дверь открылась.

Маркус вошёл — в пижамных штанах, с полотенцем на

плече. Волосы влажные — он принимал душ. Где-то там, в другом крыле. Значит, у него есть еще ванная. Или целый спорткомплекс.

— Не спишь? — спросил он, вытирая шею.

— Не могу, — ответила я.

Правда. И ложь одновременно. Я не могла спать — потому что боялась. Но сейчас я была благодарна своей бессоннице. Она дала мне час. Целый час свободы.

Маркус подошёл к кровати. Сел на свою сторону — левую. Похлопал по правой.

— Ложись.

Я легла.

Поверх одеяла. В платье. На самом краю.

Он выключил свет.

— Спокойной ночи, Мирослава, — сказал он в темноту.

Я не ответила.

Лежала с открытыми глазами, глядя в потолок, и думала о том, что узнала сегодня.

О библиотеке. О запертых дверях. О чёрном выходе. И о том, что завтра я изучу этот дом ещё лучше.

А послезавтра — ещё. А когда я узнаю всё — тогда и решу, что делать.

Тишину нарушил его голос:

— Я знаю, что ты не спишь. И знаю, что ты выходила из комнаты.

Я замерла.

— В этом доме камеры везде, Мира. Кроме ванной и туалета. Не забывай.

Он помолчал.

— В следующий раз я запру дверь.

Я закрыла глаза.

Клетка становилась меньше.

Он уснул.

Или только казалось.

Я лежала на правой стороне кровати — на самом краю, поджав колени к животу, свернувшись калачиком, как тот самый эмбрион, в котором застыла Даша. Платье цвета шампань сбилось, оголив ноги до самых бёдер. Я не поправляла. Мне было всё равно. Я смотрела на тёмный потолок, на тусклый отсвет луны, пробивающийся сквозь неплотно задёрнутые шторы, и считала вдохи.

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох.

Маркус дышал ровно. Глубоко. Размеренно.

Я ждала. Десять минут. Двадцать. Полчаса. Его дыхание не менялось. Может быть, он действительно спал. Может быть, притворялся — проверял, что я буду делать. Но я должна была рискнуть. Потому что «в следующий раз я запру дверь». Он сказал это. Не угрожал — обещал.

Следующего раза не будет.

Я сглотнула. Ком в горле был сухим и колючим, как наждачная бумага. Осторожно, по миллиметру, я отодвинула одеяло. Простыня подо мной была влажной от пота. Холод-

но. Мне было очень холодно, хотя в комнате работал кондиционер.

Спустила ноги с кровати.

Пальцы коснулись холодного мраморного пола. Я поморщилась — босиком было непривычно, но тихо. Обуться? Нет. Каблуки будут стучать. Я оставила туфли там, в углу. Так тише.

Маркус не пошевелился.

Я скользнула с кровати, как тень. Присела на корточки, прислушиваясь к каждому звуку. Его дыхание — ровное, спокойное. Ничего не изменилось.

Клатч. Где клатч?

Я забыла его на туалетном столике, у окна. Маленькая сумочка из матовой кожи, которую мне дали «под образ». Внутри — телефон. И наличные. Я всегда прятала наличные в подкладку — привычка, выработанная годами жизни под контролем отца. «На чёрный день», — говорила я себе. Похоже, чёрный день настал.

Я взяла клатч. Проверила — телефон на месте, деньги на месте. Зажала под мышкой и бесшумно, на цыпочках, двинулась к двери.

Она не скрипнула. Спасибо дорогой немецкой фурнитуре. Я выскользнула в коридор.

Тишина давила.

Не та тишина, которая бывает в пустом доме, — уютная, располагающая. Другая. Внимательная. Словно сам воздух

затаил дыхание и смотрел на меня. Я чувствовала себя мышью, которая выбежала на кухню, где спит огромный кот.

Я шла быстро. Бесшумно. Босиком по паркету, потом по мрамору, потом снова по паркету. Коридор тянулся бесконечно. Картины на стенах смотрели на меня равнодушными глазами. Люди в дорогих рамах — предки Маркуса, наверное. Или просто репродукции. Я не всматривалась.

Чёрный выход.

Я свернула туда, куда запомнила. За библиотеку, мимо гостиной.

Дверь была на месте.

Я толкнула.

Заперто.

Чёрт.

Я дёрнула сильнее — бесполезно. Крепкая стальная дверь с электронным замком. Без кода не открыть. А кода у меня не было.

Чёрт, чёрт, чёрт.

Я отступила. Сердце колотилось где-то в горле, мешая дышать. План «А» провалился. Нужен план «Б».

Нижний этаж. Я не изучила нижний этаж.

Я метнулась к лестнице и быстро — насколько позволяла тишина — спустилась вниз. Там было темнее. Свет горел только в торшерах у стен, отбрасывая длинные, искажённые тени. Воздух был прохладнее, пахло бетоном и чем-то химическим — может быть, средствами для уборки.

Тишина окутывала и нижний этаж.

Я прошла через гостиную — большую, с камином, где мы сидели днём. Сейчас она казалась заброшенной. Диваны, кресла, пустые бокалы на столиках — следы недавнего присутствия, но ни души.

Коридоры. Один за другим. Служебные помещения. Я заглядывала в каждую дверь — кладовки, прачечная, комната с какими-то коробками. Везде пусто. Везде темно.

Зимний сад.

Я вышла в огромное помещение со стеклянными стенами и потолком. Луна светила сквозь прозрачные панели, заливая всё серебристым светом. Растения — пальмы, фикусы, какие-то лианы — тянулись к небу, создавая иллюзию джунглей. Посередине — скамейка и маленький фонтан. Вода тихо журчала, и этот звук казался издевательски мирным.

Тупик.

Из зимнего сада не было выхода. Только стёкла. А за стёклами — ночь, деревья, забор. Но стекло не открывалось. Я проверила.

Развернулась. Пошла дальше.

Центральный вход.

Я вышла в большой холл, где меня встречали слуги. Высокие потолки, мраморный пол, массивная дверь из тёмного дерева. Я подбежала к ней, дёрнула ручку.

Заперто.

Конечно.

Рядом с дверью — панель с кодовым замком. Маленькие светящиеся кнопки, отливающие зелёным. Я присмотрелась — ничего. Пальцы слишком жирные, чтобы оставить следы. Или код вводили редко. Или просто везение не на моей стороне.

Какие цифры? Четыре? Шесть? Сколько вообще?

Чёрт.

Я нажала наугад — 0000. Ничего. 1234. Ничего. 1111. Замок пискнул, и красный индикатор мигнул — неверно. Ещё попытка — и, наверное, сработает сигнализация.

Я отступила.

Сверху раздались шаги.

Медленные. Тяжёлые. Уверенные.

Не Маркус? Нет, Маркус. Я узнала бы его походку где угодно. Тот самый ритм — шаг-пауза, шаг-пауза, как у хищника, который не торопится, потому что уверен: добыча никуда не денется.

Чёрт. Чёрт. Чёрт.

Я побежала.

В другую сторону — туда, где были служебные помещения, где я ещё не была. Может быть, там есть выход. Чёрный ход для прислуги. Дверь для доставки. Что угодно.

Мои шаги раздавались по всему этажу — гулко, предательски громко. Я не могла их заглушить. Босиком по мрамору — это не бесшумно. Это звонко. Это как барабанная дробь, объявляющая о моём бегстве.

Но я слышала только шаги сзади.

Они не ускорялись. Не замедлялись. Просто шли. Методично. Неотвратно. Как сама судьба — или то, что он называл судьбой.

Я влетела в какой-то коридор. Тупик. Развернулась. В другой — ещё один тупик. Я заметалась, как мышь в лабиринте, и с каждым поворотом понимала, что не знаю этого дома. Совсем не знаю. Моя часовая разведка была ничем. Я видела только верхушку айсберга.

— Мирослава, — раздался его голос.

Спокойный. Даже ленивый.

Я вжалась в стену. Там, в конце коридора, горела тусклая лампа, отбрасывающая жёлтый круг света. Я стояла в тени, прижавшись спиной к холодным обоям, зажав клатч в руке, как единственное оружие.

Он появился из темноты.

Медленно. Не спеша. В тёмных пижамных штанах, босиком, с голым торсом. Луна светила на его плечи, на рельефные мышцы, на тёмные волосы на груди. Он выглядел как античный бог — прекрасный и безжалостный. И я ненавидела его за эту красоту.

Он остановился в двух шагах от меня. Не торопился приближаться. Просто смотрел. Чёрные глаза блестели в полумраке.

— В спальню, — сказал он.

— Нет... — выдавила я. Голос прозвучал тонко, испуган-

но. Не так, как я хотела.

— Не заставляй повторять, — в его голосе появились стальные нотки. — Я не люблю этого.

— Мне всё равно, что вы не любите, — сказала я.

Слова вырвались прежде, чем я подумала. Злость — глупая, отчаянная — перекрыла страх. На секунду. Всего на одну секунду.

Его взгляд стал острым. Холодным. Пронзительным.

— В спальню, Мирослава, — повторил он.

Голос был ледяным. Острым, как сталь.

— Н-нет, — я заикнулась. Проклятье.

Он резко дёрнул меня за руку. Пальцы впились в запястье, сжимая кости. Я дёрнулась — бесполезно. Он был сильнее. Намного сильнее.

— Ты спишь в моей постели, маленькая, — сказал он, притягивая меня к себе.

— Не... я не хочу... — я упиралась ногами в пол, скользила босиком по мрамору, но он тащил меня, как тряпичную куклу.

— Я тебя купил, — прорычал он мне в лицо. — И могу делать что захочу. Ты это понимаешь?

— Я не дамся! — закричала я. — Не буду с вами! Пустите!

— Значит, не хочешь по-хорошему.

Он не повышал голоса. Он говорил тише, чем я. И от этого становилось страшнее. Когда человек кричит — он теряет контроль. Когда он говорит тихо — он полностью владеет

ситуацией.

— Нет! Не трогайте! — я попыталась вырваться, ударить его свободной рукой, но он перехватил и второе запястье.

— Не трогайте, — передразнил он тонким голосом. — Ах, какая недотрога.

Он закинул меня на плечо.

Как мешок картошки. Перекинул через плечо, придерживая одной рукой за ноги, второй — за спину. Я оказалась вниз головой, волосы рассыпались по его спине, кровь прилила к лицу.

— Пустите! — я колотила его по спине кулаками, брыкалась ногами. — Пустите, я сказала!

Он не реагировал. Шёл спокойно, размеренно, как будто нёс не живого человека, а свёрток с бельём.

— Твоё место в постели, — сказал он, поднимаясь по лестнице.

— Я не буду с вами спать!

— Девочка, ты не понимаешь, в какой ситуации оказалась?

— Я вам не девочка!

— Ты продана, — его голос стал совсем тихим. — Ты моя. Нужно напомнить? Напомню.

— Нет!

Я кричала. Била. Брыкалась. Царапалась. Я оставила полосы на его спине, но он даже не вздрогнул. Он занёс меня в спальню — ту самую, с кроватью под балдахином, с ками-

ном, в котором уже догорали угли.

И бросил на кровать.

Я отскочила к изголовью, сжалась в комок, прижимая клатч к груди, как щит. Волосы растрепались, платье задралось. Я смотрела на него снизу вверх — огромного, тёмного, неумолимого.

— Не трогайте! — закричала я. — Не надо!

Он дернул меня за ноги.

Просто схватил за лодыжки и рванул на себя. Я проехала по шёлковой простыне, теряя равновесие, теряя контроль. Он навалился сверху — тяжёлый, горячий, чужой.

— Не трогайте! Не надо!

— Судя по тому, что ты не понимаешь, — сказал он, нависая надо мной, — тебя плохо воспитали. Ну ничего. И не таких приручали.

Он рванул платье.

На груди. Ткань треснула — противно, громко, необратимо. Я вскрикнула — от неожиданности, от холода, от ужаса. Закрыла руками то, что открылось.

Он развёл мои руки.

Легко. Без усилий. Просто взял за запястья и прижал к кровати над головой. Я лежала перед ним — вся красная, с разорванным платьем, обнажённая до пояса.

Он смотрел.

Долго. Жадно. Как на картину в музее — с восхищением и правом собственности.

— Дааа, — протянул он. — Хороша. Определённо.

— Не трогайте... — прошептала я.

— Ты меня разозлила, маленькая, — сказал он, и в голове впервые проступило что-то настоящее. Не игра. Не поза. Злость. — Я не люблю, когда не слушаются. Учись понимать с первого раза.

Его рука сжала мою грудь.

Грубо. Не ласково. Пальцы впились в мягкую плоть, сдавили, смяли. Я пискнула — коротко, тонко, как раненый зверёк.

— Пищишь, — усмехнулся он. — Ничего. Скоро научишься стонать и доставлять удовольствие.

Он наклонился и провёл языком по соску.

Я забилась под ним, выгибаясь, пытаюсь сбросить его тело. Он был неподвижен — гора, которую не сдвинуть. Его язык был горячим, влажным. Я чувствовала его на своей коже, и меня тошнило. Физически тошнило.

— Перестаньте! — крикнула я. — Прекратите!

Он вдруг отстранился.

Я подумала — услышал. Испугался. Остановится.

Нет.

Он потянулся к изголовью. Я не сразу поняла, что он делает. А когда поняла — было поздно.

Наручники. Кожаные, мягкие, с цепочкой. Он пристегнул мои руки к кованой спинке кровати. Сначала одну. Потом вторую. Щелчок. Щелчок.

— Вот так, — сказал он, садясь на край кровати и рассматривая свою работу. — Будешь спать так.

— Нет... — прошептала я.

Смущение. Злость. Безысходность. Ненависть. Целый коктейль чувств кипел во мне, разрывая изнутри. Я дёрнула руки — бесполезно. Наручники держали крепко. Не больно — но надёжно.

Он стянул платье дальше.

Я пыталась пинаться — била его ногами куда попало. Он не реагировал. Схватил за лодыжки, дёрнул, и платье соскользнуло с тела, как змеиная кожа. Осталось только кружево трусов — и наручники. И его взгляд.

Я осталась в трусах. С голой грудью. Привязанная к кровати.

— Определённо в моём вкусе, маленькая, — сказал он, скользя взглядом по моему телу.

— Не трогайте меня! — закричала я. — Слышите? Не трогайте!

— Я зол, малышка, — сказал он. Спокойно. Почти ласково.

Он провёл пальцем по складочкам через ткань трусов. Я свела ноги, сжала бёдра — что угодно, только бы не дать ему добраться туда, куда он целился. Но он резко развёл мои ноги — сильными, грубыми движениями, не спрашивая.

— Ты моя невеста, — сказал он, нависая надо мной. — Ты моя собственность, Мирослава. И я буду делать с тобой

всё, что посчитаю нужным.

Он склонился к самому моему лицу — так близко, что я чувствовала запах его дыхания. Мятный. Свежий.

— Я говорил: будь послушной, — прошептал он. — Ты сама выбрала побег. Наказание — тоже часть воспитания.

Он разорвал трусики.

Одним рывком. Ткань треснула, как и платье. Я осталась совсем нагой — привязанная, распятая, открытая.

Я всхлипнула.

— Какая нежная, — сказал он, глядя мне между ног. — Маленькая. Красивая.

— Не трогайте... — всхлипнула я. — Пожалуйста! Не надо!

— Надо, маленькая, — его голос стал мягче, почти утешающим. — Ты должна знать, чья ты теперь.

Он провёл пальцем по складочкам. Нашёл клитор. Я вздрогнула всем телом — не от удовольствия, от отвращения. От того, что этот чужой человек, который купил меня, трогает меня там, где меня никто никогда не трогал.

Я всхлипнула снова.

Слёзы текли по щекам, заливая уши, капая на подушку. Я не вытирала их — нечем. Руки привязаны.

— Пожалуйста... — прошептала я. — Пожалуйста, не надо...

Он смотрел на меня.

— Поздно, Мирослава, — сказал он. — Ты сделала свой

выбор.

Он наклонился и поцеловал меня в шею — нежно, почти ласково. А пальцы его продолжали своё дело.

Я не знала, что тело может предавать.

Я думала, что оно — моё. Всегда моё. Что я управляю им, что оно слушается, что границы между «я» и «моё тело» нет. Это было наивно. Глупо. По-детски.

Тело оказалось отдельным. Со своим умом. Со своими рефлексам. Со своей предательской физиологией, которой было плевать на то, что я чувствую.

Он трогал меня.

Я билась. Дёргалась. Кричала. Слёзы текли по щекам, заливая уши, капая на подушку. Я ненавидела каждое его прикосновение. Я хотела, чтобы он исчез. Испарился. Провалился сквозь землю. Я была готова продать душу дьяволу, только бы его пальцы перестали скользить по моему телу.

Но тело...

Тело реагировало.

Сначала я не поняла. Просто почувствовала тепло — там, внизу, где он водил пальцем. Тепло, которое не имело ничего общего с желанием. Которое было физикой. Химией. Рефлексом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.